

СТЕЙСИ КРОУ

18+

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ЧУДОВИЩА



Стейси Кроу

Зависимость от чудовища

«Литнет»

2026

Кроу С.

Зависимость от чудовища / С. Кроу — «Литнет», 2026

18+Он хочет сломать меня. Сделать своей. Присвоить. Но он не знает одного: сломанного человека не сломать дважды. Это история не про любовь. И даже не про ненависть. Это история о том, как чудовище нашло красавицу, которая ему не принадлежит, и решило, что имеет право на всё. Здесь будет жарко. Здесь герой не знает пощады, а героиня станет единственной, кто сможет выдержать его тьму... или сгинуть в ней навсегда. Но герои получают заслуженный ХЭ.Внимание: 18+. Психика автора не пострадала, а вот ваша - возможно. Я предупредила.

© Кроу С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	38
Глава 14	43
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	52
Глава 18	55
Глава 19	58
Глава 20	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1

Мую мать проще всего назвать одним словом. Оно короткое, ёмкое и всегда вызывает у людей либо недоумение, либо неловкий смех. Сука. По-другому я не могу и не хочу её называть. Отца я никогда не видела — даже на старой, выцветшей фотографии. Для меня его просто не существовало, и это, наверное, к лучшему. Меньше вопросов — меньше боли. Всё, что я знаю о семье, — запах сигарет и злости в старой квартире, которая, кстати, нам не принадлежала. Жильё было отчима, Джона. Придурка, считавшего себя королём мира только потому, что у него водились деньги на оплату коммуналки и «двушка» в спальном районе.

В школе меня колотили одноклассники за то, что «странная» и «нищевродка», а дома — Джон. Ему даже повод не требовался. Вовремя не помыла посуду? Получи. Слишком громко дышала? Заработай затрещину. Мать видела это. Всегда видела. Она стояла в дверном проёме кухни с каменным лицом, курила в форточку и молчала. Даже когда после побоев Джон уходил на лестницу, проходила мимо, будто я пустое место.

А потом родился Дешон. Младший брат, их общий ребенок. И вот тут начался цирк. Выяснилось, что эти двое вполне умеют улыбаться. Оказывается, они способны заботливо поправлять одеялко, сюсюкать, покупать игрушки и окружать любовью. Я смотрела на происходящее как зритель в театре, отделённая от сцены невидимой, но очень толстой стеной. Мне там места не было. Кульминацией стал не очередной удар, а разговор. Спокойный, будничный, как обсуждение погоды. Мать посмотрела на меня, потом на Джона, кивнула ему и сказала:

— Мы хотим, чтобы ты знала. Мы ждём, когда ты закончишь школу и съедешь. Ты нам мешаешь.

Круто, да? После такого любой подросток обзаводится пожизненным абонементом в клуб травмированных. Я покинутая и недолюбленная, и признаю это. В этом нет стыда, просто факт биографии, как дата рождения или номер паспорта. У кого-то аллергия на пыльцу, а у меня — на семью.

Поэтому я вцепилась в учёбу зубами и когтями. Это был единственный шанс. Исторический факультет, педагогический. Ничего героического, просто учитель истории. Но мой билет на волю. И когда пришло письмо о зачислении и стипендии, я чуть не разрыдалась прямо в школьном коридоре. Чудо случилось. Но чудеса в нашей стране происходят с подвохом. Почти три месяца я толкалась в очередях на общежитие. Это время жила у троюродной тетки — женщины, которая согласилась приютить племянницу из вежливости, а потом каждое утро за завтраком интересовалась: «Ну что, когда там твоя общага? Долго ещё?».

Я старалась не обращать внимания, помогать по дому, быть незаметной, но этот ритмичный стук вопросов въедался в мозг хуже навязчивой мелодии.

Но я выдержала. Всегда выдерживаю.

И вот, наконец, ключ от комнаты в общежитии оказался в руках. Металлический, холодный. Мой. Он пах свободой.

Жизнь наладилась как по щелчку. Я стала меньше вздрагивать от резких звуков, перестала просыпаться по ночам от давящего чувства, будто кому-то мешаю. С головой ушла в конспекты, лекции и библиотеку.

А потом появилась Стеф — соседка по комнате. Выяснилось, что мы учимся в одной группе. Поначалу она дико бесила. Стеф была из тех людей, которые улыбаются просто так, задают личные вопросы и пытаются заглянуть в глаза. Я же оставалась колючей, как ёж, и молчаливой, как рыба. Мы не ладили. Но на площади в восемнадцать квадратных метров долго враждовать невозможно. Месяцев через пять мы притёрлись. Соседка перестала лезть в душу, а я — шипеть, когда включалась музыка. В итоге Стеф оказалась чудесным человеком.

Так пролетел первый курс. Тихий, спокойный, почти счастливый год. За это время я всего дважды говорила с матерью по телефону — в дни наших рождений. Поздравления выходили сухими и неловкими.

— Сия, у тебя всё в порядке? — спросила она.

— Да, — ответила я.

— Ну, пока.

— Пока.

Этого ей хватало. Этого было достаточно и мне, чтобы окончательно понять: мосты сожжены. К чёрту её. К чёрту их всех.

На лето в общежитии я осталась в одиночестве. Все разъехались по домам, к мамам и папам, к запаху выпечки и родным скандалам. Меня никто не ждал. Впервые в жизни совершенно одна. Грустно? Нет. Это было лучшее лето в моей жизни.

Глава 2

Учебный год начался спокойно. По крайней мере для меня. Для Стеф же он стартовал с того, от чего у любой нормальной девушки разрывается сердце и сторают предохранители. Расставание. Да не простое, а такое, после которого хочется смыться с планеты или хотя бы закопаться в ворох одеял до конца семестра.

Весь вечер мы провели по классическому сценарию: экран ноутбука светит в темноте, Рене Зеллвегер путается в чувствах, а мы со Стеф уничтожаем пачки чипсов. Со стороны это, наверное, выглядело жалко. Изнутри нашей комнаты — чертовски уютно.

— И знаешь что! — Подруга подскочила на кровати, рассыпав половину пачки «Лейс» на пол. Я даже не дёрнулась. Уберём потом. Сейчас тут зона боевых действий. — Всё лето он катал меня на байке! Целовались с ним на горе! Понимаешь? Только целовались! И ничего больше!

Пауза вышла полной драматизма, и я уже знала, что будет дальше.

— А на следующий день все говорили, что я ему там... ну, это самое. Сосала!

Я подавилась.

— Чего?

— Того! — Стеф зарылась лицом в подушку, потом снова вынырнула, размазывая остатки слёз по щекам. — Эту гору называют Сосун-горой! Там вечно тусят мотоциклисты и привозят девчонок явно не ради заката. Считается: раз поехала туда, значит, согласна на всё. А я просто дура. Думала, он романтик.

Всхлипы возобновились — громкие, пополам с обидой.

— Всем соврал. Всем! Я теперь в его тусовке шлюха. А сам он... пидор!

Я вздохнула. Еда во рту вдруг показалась безвкусной.

— Стеф, сочувствую, правда. — Я осторожно подбирала слова, ведь с ней иначе нельзя. — Но как ты не догадалась сразу? Он же с первой встречи вёл себя как классический козёл.

Соседка шмыгнула носом и посмотрела на меня с укором — так смотрят на кота, который зачем-то скинул цветок с подоконника.

— Ну... красивый же. И байк классный.

Я промолчала. Спорить с подобным аргументом бесполезно. Любовь, видите ли.

— Да хрен с ним, — вдруг резко выдохнула Стеф и откинулась на подушку, уставившись в потолок. — Пошёл он в жопу. Больше бесит, что его дружки теперь пишат и зовут прокатиться. Представляешь? Думают, раз он растрепал про эту дурацкую гору, то я доступная. Уроды.

Она замолчала. В ноутбуке Бриджит Джонс[1] наконец-то начала разбираться с кавалерами. За окном шуршали шины редких машин. В комнате пахло сыром, луком и дешёвым успокоительным, которое Стеф купила в аптеке, но так и не выпила.

— Ладно, — пострадавшая повернула голову ко мне. В свете экрана глаза блестели, но слёзы почти высохли. — Ты-то как провела лето здесь в одиночестве? Прямо совсем одна? Не свихнулась?

Вопрос застал меня врасплох. Пришлось задуматься. Как я провела лето? Честно?

— Слушай, да нормально. — Пожала плечами и с хрустом вскрыла новую пачку. — Взяла учебники, прочитала пару книг по античке. Мисс Хопер всё равно не слезет с нас, пока не сдадим. Ты же её знаешь. Лучше перебдеть, чем потом пересдавать.

Стеф смотрела со странным выражением — то ли с жалостью, то ли с завистью.

— То есть ты реально всё лето просидела в библиотеке? — уточнила она. — Не гуляла, не влюблялась, не делала глупостей?

— Ну почему? — Я попыталась улыбнуться, но вышло криво. — Ходила в столовую. Ещё в парк пару раз. Зато никого не ждала, и меня никто не ждал. Знаешь, это даже удобно. Никто не спросит, где была и с кем. Никто не растреплет друзьям, что ты делала на какой-то дурацкой горе.

Стеф села на кровати и сжала мою ладонь. Пальцы у неё были тёплые и чуть влажные от слёз.

— Слушай... — начала она осторожно. — Ты это... Ты молодец. Сильная. Но иногда можно и слабой побыть. Хотя бы с подругой.

Я кивнула. Горло сжалось, но разреветься себе не позволила. Это её вечер. Её драма. Моя же закончилась в тот день, когда я получила ключ от этой комнаты. Дальше началась просто жизнь.

— Давай досматривать, — ответила я, кивнув на экран. — Там сейчас самое интересное. Марк Дарси скоро появится.

— Обожаю Марка Дарси, — вздохнула подруга и уткнулась мне в плечо. — Почему в реале таких нет?

— Потому что в реале водятся придурки с байками и Сосун-горой, — усмехнулась я.

Фильм досмотрели почти молча. Чипсы кончились. За окном окончательно стемнело. Стеф ровно засопела, проваливаясь в сон прямо под титры. Я осторожно высвободила плечо, укрыла её пледом и выключила ноутбук.

Потом ещё долго сидела в темноте, глядя на мутный уличный фонарь. Думала о том, что у Стеф есть хоть какая-то история. Пусть дурацкая, обидная, но живая. А у меня — античка и книги по педагогике. И странное чувство, что всё делаю правильно. Ведь если не поступать правильно, можно сорваться в такую яму, из которой уже не вылезешь.

Нет уж. Лучше учить античку. Там хоть всё понятно. Там давно все умерли и ничего ни от кого не хотят.

[1] Речь о фильме «Дневник Бриджит Джонс» (2001) — классической романтической комедии, которую героини пересматривают в моменты душевных кризисов.

Глава 3

Лекция по греческой мифологии оказалась на удивление интересной. Я вообще думала, что к середине пары начну клевать носом — всё-таки античность античностью, а спать хочется всегда, но мисс Хопер умела удерживать внимание. Преподавательница рассказывала об Афродите: о рождении из морской пены, явлении на берег у острова Кифера и путешествии до Кипра. О том, как богиня ступала по земле, и под ногами расцветали цветы, а следом шли Эрос, Гимерос и Хариты — вечные спутники любви и красоты.

Слушая это, я чувствовала, как внутри что-то оттаивает. Наверное, звучит глупо, но в тот момент почти поверилось в историю о бессмертной, которую никто не мог оставить без внимания. Которую все любили и восхищались. Дура, конечно. Мало ли кому поклонялись древние греки. Но мисс Хопер говорила так, словно сама видела эту женщину, вышедшую из волн. Словно прикоснулась к чему-то настоящему.

— Она была рождена из пены, из той самой воды, что смывает всё грязное и старое, — вещала лектор, поправляя очки. — И в этом главный парадокс. Богиня любви, но любви не всегда счастливой. Изменяла мужу с Аресом, губила отвергавших её дары, могла быть жестокой и мстительной. И при этом оставалась прекрасной. Греки не делили богов на добрых и злых. Они просто принимали их сущность.

Рука записывала, почти не глядя в тетрадь. Слова сами ложились на бумагу. Рядом тихо посапывала Стеф. Она сидела с прямой спиной, уставившись в одну точку, но этот взгляд был мне слишком знаком. Мыслями соседка блуждала где-то далеко. Может, снова переживала позорное лето на Сосун-горе, а может, выбирала наряд на ближайшую вечеринку. Учёба её волновала мало. И ведь умудрялась получать хорошие оценки. Всегда. Преподаватели обожали Стеф, шутили с ней. Стоило вызвать к доске — мило улыбнётся, похлопает ресницами, и ей в зачётку летят четвёрки и пятёрки просто за факт присутствия. Красивая, лёгкая, солнечная. Из тех, кого любят.

Зависти не было. Честно. Просто констатация фактов. Как то, что трава зелёная, а небо синее. Так устроен мир. Одним достаётся дар очаровывать, другим — умение выживать в одиночестве.

В конце лекции, когда ручки уже отправлялись в пенал, мисс Хопер подняла руку, призывая к тишине.

— Ещё одно объявление, — произнесла она, перекрывая гул собирающихся студентов. — В конце месяца в город приезжает выставка. Древние камни, артефакты, связанные с культовыми практиками ранних цивилизаций. Вещи из частных коллекций, некоторые экспонируются впервые.

Кто-то оживился, остальные продолжили паковать рюкзаки.

— Выставку спонсировали меценаты нашего университета, — продолжала мисс Хопер. — Их сын учится на экономическом факультете. Пока он здесь, семья помогает нашей Альма-матер. Так что можем сказать спасибо мистеру Блэку-младшему за то, что его папа любит искусство.

Повисла тишина, а потом несколько человек рассмеялись. Лектор улыбнулась тонкой, чуть ироничной улыбкой.

— Шучу, конечно. Но доля правды тут есть. Впрочем, не суть. Главное — выставку может посетить любой желающий. Билеты по студенческим бесплатные. Запись у меня.

Я вцепилась в ручку. Бесплатно. Древности. Культовые практики. Это же...

— Я пойду, — сорвалось вслух слишком громко.

Мисс Хопер посмотрела на меня поверх очков и кивнула.

— Записываю, мисс Флоренс. Похвальное рвение.

Стеф рядом встрепенулась, точно собака, услышавшая слово «гулять».

— А туда просто так можно? — спросила она сонным голосом, но уже с интересом. — Камни посмотреть? Это же вроде артефакты? Нам как историкам это ж надо, да?

Мне едва удалось сдержать смешок. «Надо». Она даже не знает толком, что именно будут показывать, но уже записывается. Хотя Стеф есть Стеф: она идёт тусоваться, а я — изучать древности. Каждому своё.

— Записываю и вас, мисс Кларк, — мисс Хопер сделала пометку. — Рада, что вы проявляете интерес к внеучебной деятельности.

Подруга довольно улыбнулась и ткнула меня локтем в бок.

— Видала? Проявляю интерес. Оценку повысят, может.

Пришлось закатить глаза, но промолчать. Пусть думает что хочет. Главное, пойдём вместе — в одиночку бродить по залам было бы немного тоскливо. А так хоть будет с кем обсудить.

Когда мы вышли из аудитории, солнце уже клонилось к закату, заливая университетский двор золотистым светом. Стеф щебетала о наряде для выставки — словно это светский раут, а не поход в музей ради старых булыжников.

Я слушала вполуха, размышляла об Афродите. Какой была бы её жизнь сейчас? Вышла бы из пены, встала на берегу — и что дальше? Красота открывает многие двери. Но если ты привлекательна и беззащитна, найдутся желающие тебя использовать. А если сильна — найдутся те, кто возненавидит.

Интересно, какой стала бы я, родись особенной? Может, тогда мать смотрела бы иначе. Может, Джон думал бы, прежде чем поднимать руку. Может, троюродная тётка не спрашивала бы каждое утро, когда освободится комната. Глупости. Богинями рождаются, а не становятся. Я же появилась на свет в обычной больнице, у заурядной женщины, которая просто не хотела меня любить. И никакая морская пена этого не исправит.

— Эй, — Стеф дёрнула меня за рукав. — Ты где витаешь? Говорю, может, зайдём в ту кофейню? У них там пирожные с кремом.

— Да, — ответила я, возвращаясь в реальность. — Пойдём.

Крем так крем.

Глава 4

Вечером Стеф умчалась на свидание.

Брэд. Экономический факультет. Парень с обложки университетской газеты, где печатают снимки лучших спортсменов. Встретив его в столовой совсем недавно, подруга мгновенно излечила разбитое сердце. Вчерашние страдания забыты, новая любовь уже на горизонте. Удивления это не вызвало. Стеф из тех людей, которые не выносят одиночества. Ей необходим кто-то, кто будет смотреть влюблёнными глазами, носить рюкзак и говорить комплименты. Без этого она вянет, точно цветок без полива.

— Я пойду в твоей юбке? — спросила она, накручивая локон на палец и критически разглядывая отражение в зеркале.

— Иди, конечно, — ответила я, не отрываясь от книги. — Развлекайся.

— Ты лучшая подруга! — Соседка чмокнула меня в макушку и выпорхнула за дверь, оставив после себя шлейф духов.

В комнату тут же просочилось лёгкое чувство покинутости. Я осталась одна. В принципе, мне к этому не привыкать. Вся моя жизнь — умение обходиться без компании. Но иногда, особенно по вечерам, когда за окном темнеет, а в коридоре слышны чужие голоса и смех, тоска накрывает с головой.

Отложив книгу, я подошла к окну. За стеклом горели огни города. Где-то там Стеф пила кофе и строила глазки Брэду. Где-то там жили обычные люди с нормальными семьями. А я здесь.

Я включила плеер.

Музыка всегда оставалась единственным, что никогда не предавало и не бросало. В школе стоило заткнуть уши наушниками, чтобы провалиться в параллельный мир, где не существовало Джона и одноклассников, травивших за «странность».

Больше всех я люблю Лану Дель Рей. Королева грусти, настоящая богиня. Слушая этот низкий, тягучий, немного надтреснутый вокал, кажется, будто она поёт обо мне. О тех, кому судьба не подарила красивой сказки. О выживающих, а не живущих. В клипе *Ride* певица сидит на обочине, глядя в никуда, а потом звучит фраза: «*I was in the winter of my life*». Я была в зиме своей жизни. Это про меня. Точное описание холода, который приходилось носить в себе годами.

В четырнадцать я слушала этот голос, лёжа на раскладушке на кухне, — отдельного угла в квартире отчима не выделялось. Школа казалась адом, сверстники чуяли слабых за версту. Я была той, кого дозволено унижать, потому что некому заступиться. Матери плевать, Джон только радовался чужим слезам, учителя делали вид, будто ничего не замечают. Лана спасала. Тексты твердили: ты не одна. Есть те, кому тоже больно, но они превращают страдание в искусство. Превращать в искусство, я не умела — умела только терпеть. Но с треками в плеере становилось не так одиноко.

Следом заиграла *Young and Beautiful*: «*Will you still love me when I'm no longer young and beautiful?*» Глупый вопрос. Меня не любили, даже когда была совсем ребёнком. Даже когда старалась быть удобной и незаметной, училась на одни пятёрки и никогда не просила денег на новую одежду.

В наушниках заиграла *Summertime Sadness*. За окном давно стемнело, но свет включать не хотелось. Сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела на огни. В комнате царила тишина, только музыка лилась прямо в голову.

Телефон пикинул. Я глянула на экран — и внутри сразу потеплело. Дешон. Брату сейчас двенадцать. Мы переписываемся в мессенджере почти каждую неделю. Единственная связь с местом, которое когда-то звалось домом, но никогда им не являлось.

«Сия, привет! Как учёба? Я получил четвёрку по математике, мама сказала, что молодец. А Джон обещал купить новую приставку, если закончу четверть без троек. Скучаю по тебе. Когда приедешь?»

Дурацкая улыбка сама поползла по лицу. Дешон замечательный. Серьёзно. Не знаю, как у таких родителей вырос такой ребёнок, но мальчик стал самым светлым пятном в жизни. Брат не понимает, почему отношение матери и отчима к старшей сестре настолько отличается от их отношения к нему. Объяснить это сложно. Как рассказать подростку, что Джуди родила по залёту в семнадцать и всю жизнь воспринимала первенца как обузу? А Джон просто не выносил чужого ребёнка, видя во мне напоминание о глупой молодости, о безрассудстве Джуди. Он слишком мал для этой правды. А может я слишком труслива.

Обычно я пишу ему о буднях в университете, смешных преподавателях, отправляю мемы. На дни рождения и Новый год тайно отсылаю подарки. Оформляю доставку на вымышленное имя, чтобы мать не догадалась. В коробку кладу что-то, что точно порадует: настолка, книга, футболка с любимым героем. Дешон потом всегда спрашивает: *«Спасибо, это от тебя?»*. И получает неизменное: *«Может быть»*.

Радует, что ему не на что жаловаться. Он растёт в любви и заботе. Имеет собственную комнату, кучу игрушек и родителей, которые его обнимают. У него нет синяков и страха перед шагами за дверь. Нормальная жизнь. И меньше всего хочется, чтобы он узнал, какой ценой это досталось. Пусть не чувствует вины за то, что его любят, а меня — нет. В этом нет его греха.

«Приеду, когда смогу, — соврала я, ведь в ту квартиру никто не зовёт. — Рада за приставку. Учись хорошо. Целую».

В ответ прилетел смайлик с сердечками, и Дешон пропал из сети. Наверное, позвали ужинать. Вместе с мамой и Джоном. За одним столом. Как обычная семья.

Убрав телефон, я снова посмотрела в окно. В стекле отражался собственный силуэт: расчёсанные светлые волосы, старый свитер и наушники на шее.

Хочу ли я это исправить?

Наверное, нет.

Слишком много дерьма случилось между нами. Джуди. Обычное имя для женщины, которая просто не захотела стать матерью. Для меня она именно Джуди, не мама. Я перестала называть её так в тот день, когда услышала, что мешаю. Джон, Джуди и Дешон — идеальная семья. Красивая картинка: папа, мама, сын. Все улыбаются, все счастливы. И Сия, которая в этот пазл не вписывается. Никак.

Я нажала на плэй, и в динамиках зазвучала *Born to Die: «Come and take a walk on the wild side, let me kiss you hard in the pouring rain...»* Хочется иногда, чтобы кто-то поцеловал под дождём. Чтобы сказал, что я нужна. Чтобы кто-то выбрал меня. Но пока есть только Лана. Её голос, обещающий: даже если всё плохо, в происходящем кроется своя красота.

Я просидела на подоконнике до глубокой ночи. Слушала треки, смотрела на огни и размышляла о том, что где-то в параллельной реальности могла бы существовать другая Сия. Любимая. Не знающая страха. Верящая, что завтра станет лучше.

А потом я легла спать — утром снова вставать на пары. Жизнь продолжается, даже когда кажется, будто всё застыло. Лана права: мы рождены, чтобы умереть. Но сначала нужно пройти этот путь. Хотя бы так, как получается.

Примечание: все упоминания песен приведены в культурном контексте, как часть внутреннего мира героини, что не нарушает авторских прав

Арт к главе:

Глава 5

Стеф заявила под утро. Мне почти удалось уснуть, как дверь распахнулась и в комнату влетел ураган, от которого пахло духами, чужим домом и явно чем-то покрепче лимонада. Свидание, судя по всему, прошло более чем успешно. За первые десять минут подруга опустошила полтора литра минералки, которую я предусмотрительно держала на тумбочке.

Заинтригованная, я приподнялась на локте, сощурившись от света, который Стеф забыла выключить в коридоре.

— Как прошло? — спросила я хриплым ото сна голосом.

Она сделала большой глоток, зажмурилась, шумно выдохнула и только потом обернулась. Глаза блестели, волосы растрепались, но улыбка выглядела довольной, как у кошки, добравшейся до сметаны.

— Да прикольный оказался, — выдохнула Стеф, падая на кровать прямо в одежде. — Проболтали всю ночь обо всём на свете. Даже не заметила, как утро настало. Представляешь? Просто сидели на кухне, пили чай. Смешной такой. И умный. И вообще...

Она мечтательно закатила глаза и обняла подушку.

— Ну здорово, — я зевнула. — Рада за тебя.

— Да, кстати, — подруга вдруг приподнялась и посмотрела на меня с очень знакомым выражением. — Сегодня не пойду на пары. Надо выспаться. Вечером снова договорились увидеться.

— Как скажешь.

Я не стала спорить — бесполезно. Когда Стеф влюблена, никакие дедлайны её не останавливают. Встав с кровати, я натянула джинсы, чистую белую футболку, собрала волосы в пучок, сунула ноги в кеды и тихо вышла. Подруга уже посапывала, уткнувшись носом в подушку.

Лекции тянулись скучно. Историческая компаративистика с Прокопски — отдельный вид пытки. Преподаватель заунывным голосом вещал про основные принципы и постулаты науки. Приходилось старательно конспектировать: без этого легко уснуть и упасть лицом на парту. Ручка скользила по бумаге, буквы складывались в предложения, но мысли блуждали далеко.

После занятий я поплелась в столовую. Надо было подкрепиться чем-то горячим, но скромный кошелёк позволял только местное меню. Выбор пал на салат и тыквенный суп — дёшево и сытно. Оплатила заказ, повернулась, сделала шаг...

И в этот момент в меня врезалось нечто огромное.

Поднос вылетел из рук. Тарелки с жалобным звоном разбились об пол. Суп тёплой оранжевой волной растёкся по груди, мгновенно уничтожая чистую белую футболку.

— Блять, — выдохнула я, глядя на это безобразие.

— Вообще-то можно быть и поаккуратнее, — раздалось сверху.

Я подняла глаза, и всё внутри похолодело. Передо мной стоял Кастил Блэк. Огромный, накачанный, покрытый татуировками, с тяжёлым взглядом и таким выражением лица, будто окружающие кругом виноваты в том, что он не смотрит, куда прёт. Об этом парне ходили легенды. Звезда футбольной команды, капитан, местная знаменитость и человек, с которым лучше не связываться. На дорогущих кроссовках спортсмена тоже красовались остатки моего обеда. На секунду даже злорадно подумалось: «Поделом».

— Это ты на меня налетел! — рявкнула я, чувствуя, как закипает ярость.

Кастил удивлённо приподнял бровь — видимо, не привык к дерзости. Но мне было плевать. Вещь погибла, еда размазана, а я стою посреди столовой под смешки студентов, которые уже начали собираться вокруг.

Быстро нагнувшись, собрала осколки на поднос, сунула его первой попавшейся уборщице и рванула на выход. За спиной слышался хохот. Кто-то уже снимал происходящее на телефон, кто-то перешёптывался.

Унизительно. Чёрт.

В туалете оказалось пусто. Я подбежала к раковине, схватила бумажные полотенца и принялась оттирать пятно. Тыква въелась намертво. Светлый трикотаж стал грязно-жёлтым. Безнадёга.

Я подняла глаза на своё отражение в зеркале: растрёпанная, злая, с мокрым следом на груди. Идиотка.

Дверь распахнулась. В стекле отразилась Приянка Вайш. Нет. Только не сегодня. Только не сейчас.

Эта девица была моим кошмаром в старших классах. Она и её компания превратили школьные годы в ад. В университете мы пересекались редко из-за разных групп, и в глубине души затеплилась надежда, будто враг потерял ко мне интерес. Думалось, можно просто жить и не вздрагивать при виде её хитрой рожи.

Но не тут-то было. Приянка заметила меня, и на её лице расплылась хищная, довольная улыбка.

— Ооо, наша маленькая замарашка не справилась с обедом? — пропела она, облокачиваясь на косяк.

— Отвали, Приянка. — Я отвернулась к раковине.

Может, если игнорировать, она уйдёт. В школе это не работало, но вдруг...

— Эй, тебя не учили вежливости? — не унималась та.

Я молчала. Вода текла, пальцы тёрли испорченную одежду, внутри всё кипело.

— Что ж, вижу, тебе нужна помощь! — Голос Приянки стал приторным, как сироп. — Повезло, что я благородная и всегда прихожу на помощь в трудной ситуации.

Послышались шаги. Мучительница зашла внутрь, вглубь помещения. А в следующее мгновение в спину ударила струя воды. Холодная, сильная.

Я резко обернулась. Приянка стояла у биде, с тем самым шлангом, который тут используют для мытья зада, и направляла ледяной поток прямо на меня. Она ржала — заливисто, мерзко, торжествующе.

— Ну же, Сия! Умойся! — визжала обидчица сквозь смех. — Ты же грязная!

Вода заливала футболку, джинсы, волосы. Стоя мокрая, злая и униженная, я внезапно почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло. Плотина, за которой годами копились боль, злость и ненависть к школьным палачам, с треском рухнула.

Сам момент того как я бросилась на неё стёрся из памяти. Помню только, как в груди зарычало, точно у зверя. Пальцы намертво вцепились в длинные, ухоженные чёрные пряди, и я дёрнула. Сильно. Приянка взвизгнула, выронила шланг и попыталась вырваться.

— Ты сука! Сука! — орала я, таская её за волосы по мокрому кафелю. — Как же ты достала! Отвали от меня!

— Ааа! — заверещала Приянка. — Уберите от меня эту чокнутую! Она с дубу рухнула! Сумасшедшая!

Я не слышала её.. Перед глазами стояла пелена, в ушах шумела кровь. Хотелось причинить ей боль. Такую же, какую приходилось терпеть от неё годами.

Дверь распахнулась, в помещение хлынули студенты. Кто-то ахнул, кто-то засмеялся, замелькали телефоны. Я заметила это краем глаза, но не могла остановиться.

В туалет вошла мисс Хопер. Её голос прозвучал подобно удару хлыста:

— Немедленно прекратить!

Нас наконец растащили. Приянка ревела, размазывая по лицу тушь вперемешку с грязной водой. Я тяжело дышала на дрожащих ногах — насквозь промокшая, яростная и опусто-

шённая. Лектор окинула нас ледяным взглядом. Оценила разбросанные полотенца, лужу на полу, мою футболку. Посмотрела на разъярённую Приянку. И произнесла голосом, не терпящим возражений:

— Мисс Вайш, мисс Флоренс. В мой кабинет. Живо!

Арт к главе:

Глава 6

Кабинет мисс Хопер пах бумагой и старой мебелью — атмосфера, свойственная библиотекам или приемным покоям, где решаются судьбы, но никто не кричит. Мы с Приянкой сидели на стульях перед преподавательским столом, точно провинившиеся кошки, притащенные за шкуру. Одежда на мне до сих пор оставалась мокрой. Капли с волос падали на пол, собираясь в маленькую лужу у кед, а футболка противно липла к телу. Соперница же пыталась сохранять достоинство, хотя тушь потекла чёрными дорожками по щекам, а причёска напоминала воронье гнездо после урагана.

Мисс Хопер сидела напротив, сложив руки, и смотрела поверх очков. Взгляд у неё был тяжёлый, усталый и острый, как скальпель.

— Девушки, — начала она негромко, но в тишине кабинета этот тон прозвучал подобно удару хлыста. — То, что застала, было крайне недостойно.

Пришлось сжать зубы. «Застала» — мягко сказано. Преподавательница увидела, как я таскаю эту дрянь по кафелю, как мы обе орём и как вода заливает всё вокруг.

— Не буду искать виноватых, — продолжила мисс Хопер. — Подобное поведение недостойно нашего университета. Мне очень жаль, но я вынуждена применить наказание. С обеих — объяснительные. А после последуют санкции.

Выдержав паузу, она посмотрела на нас по очереди: сначала на Приянку, затем на меня.

— Есть что сказать в своё оправдание?

Приянка встрепенулась, как птица, готовая к атаке. Глаза её округлились, голос задрожал настолько искусно, что я на секунду даже поверила.

— Но мисс Хопер, это она первая начала! — выпалила девица, прижав руки к груди в жесте оскорблённой невинности. — Она напала на меня! Я всего лишь хотела помочь отмыть футболку!

Я чуть не рассмеялась. Помочь. С помощью гигиенического душа. Гениально. Мисс Хопер даже бровью не повела, продолжая сверлить обидчицу ледяным взглядом.

— С помощью шланга, мисс Вайш? — Приянка замерла. Рот приоткрылся, но звука не вышло. — Сомневаюсь, что это являлось помощью, — спокойно добавила преподавательница и перевела взор на меня.

И тут в её глазах мелькнуло что-то новое. Не злость и не осуждение. А что-то похожее на... разочарование? Сожаление?

— А вы, мисс Флоренс, — произнесла лектор тише, и от этой мягкости стало больнее, чем от крика. — Я в вас разочарована.

Эти слова ударили сильнее любого приговора. Опустив глаза, я почувствовала, как в горле застрял ком.

— Жду объяснительные к концу дня. Всего доброго.

Мы вышли в коридор. Дверь закрылась с тихим щелчком. И тут Приянка резко развернулась. Вся маска оскорблённой невинности слетела, точно старая кожа. Глаза сузились, губы искривились в злом оскале.

— Из-за тебя, — прошипела она, тыча пальцем мне в грудь. — Это всё из-за тебя, гадина. Я тебе этого не спущу.

Она развернулась и пошла прочь. Каблуки туфель цокали по линолеуму, как выстрелы.

А я осталась стоять одна.

Мокрая, грязная, униженная. Вдобавок требовалось писать объяснительную.

Окей, напишу. Ещё как напишу.

Зайдя в ближайшую пустую аудиторию, где пахло пылью и мелом, а парты стояли ровными рядами, точно солдаты на смотре. Я опустила на стул. Достала из рюкзака листок.

Ручка замерла над бумагой. С чего начать? С неудавшегося обеда? С глупого столкновения? Или с последовавших издевательств?

Шумно выдохнув, я вывела первые строки:

«Я, Сия Флоренс, студентка второго курса исторического факультета, хочу объяснить обстоятельства произошедшего конфликта. Всё началось в столовой. Оплатив обед, я, повернувшись к свободному столику, и в этот момент в меня врезался Кастил Блэк. Поднос вылетел из рук, тарелки разбились, и весь мой обед — вместе с супом — оказался на моей футболке. На моей белой футболке, между прочим.

Я направилась в туалет, попыталась оттереть пятна и привести себя в порядок, чтобы не ходить весь день как пугало. Вода, бумажные полотенца — я пыталась спасти ситуацию.

В помещение зашла Прианка Вайш. Увидев меня у раковины, она отпустила издевательский комментарий, что я замарашка и мне нужна помощь. После чего сорвала с крепления шланг от биде и направила ледяную струю прямо на меня. Она смеялась и продолжала лить воду.

Не знаю, что со мной произошло в ту секунду, но я потеряла контроль. Набросилась на неё, схватив за волосы. Я не горжусь своим поступком, но и не жалею о нём. Мисс Хопер разняла нас, за что выражаю ей благодарность, ведь неизвестно, чем закончилась бы потасовка.

Я понимаю, что нарушила правила университета, и готова понести наказание. Но если бы всё можно было повернуть назад, я бы хотела только одного: чтобы Кастил Блэк смотрел, куда идёт, и не разбивал чужие подносы. Тогда ничего бы не произошло».

Отложив ручку, я перечитала написанное. Криво, зло, местами глупо. Но честно. Пусть читают и знают правду, терять всё равно нечего. Сложив листок, я направилась обратно к мисс Хопер.

У двери кабинета я замерла на секунду, собираясь с духом. Изнутри доносились приглушённые голоса — похоже, лектор была занята другими студентами. Прислонившись спиной к стене, я закрыла глаза.

Интересно, видела бы меня сейчас Лана, что спела бы? Наверное, про невыносимую боль оставаться собой в мире, где тебя никто не ждёт. Или про то, что даже в самую тёмную пору загораются звёзды. Глупости. Какие звёзды? В этой реальности существуют только тусклый фонарь за окном общаги и мокрые кеды, которые до сих пор хлюпают при каждом шаге.

Арт к главе:

Глава 7

В я общежитие скорее вползла, чем зашла. Ключ предательски дрожал в пальцах, никак не удавалось попасть в замочную скважину. Миновав бдительную комендантшу, преодолела три лестничных пролёта на ватных ногах и наконец оказалась в комнате — промокшая, злая и бесконечно уставшая.

Стеф сидела на кровати с телефоном. Увидев меня, сначала коротко, удивлённо приснула, будто это была глупая шутка. Но, разглядев моё лицо, смехок сменился обеспокоенностью.

— Срань господня, — выдохнула подруга, вскакивая с места. — Что случилось?

Соседка заметалась из угла в угол, выхватывая из шкафа чистые полотенца. Достала любимый гель для душа с запахом апельсина, сгребла всё в охапку и сунула мне в руки:

— Так. Срочно под горячую воду, потом расскажешь.

Не проронив ни слова, просто кивнула и поплелась в душевую. Там царили тишина и пустота, лишь гудели трубы в соседней кабинке. Раздевшись, я встала под обжигающие струи и... разревелась. Вода текла по щекам, смешиваясь со слезами, стирая границы. Прижавшись лбом к прохладному кафелю, тряслась от беззвучных рыданий. Плакала обо всём сразу: о том, что снова оказалась грязной, беззащитной и ненужной, о тщетных попытках смыть с себя этот кошмарный день.

Мылась долго. Пока поток не начал остывать, пока не иссякли слёзы и внутри не образовалась спасительная, глухая пустота.

По возвращении в комнату, я обнаружила на кровати свежую пижаму — сухую и тёплую. Стеф аккуратно сложила вещи и даже умудрилась подсунуть под одеяло грелку. Молча одевшись, опустилась на матрас и принялась рассказывать.

Говорила я ровно, без эмоций, словно зачитывала ту самую объяснительную: про столовую и Кастила Блэка, про туалет и Приянку, про шланг, драку и ледяной кабинет мисс Хопер.

Стеф слушала не перебивая. Глаза у неё округлялись, рот приоткрывался всё шире. К концу моей исповеди лицо подруги выражало такой шок, будто ей детально описали сценарий фильма ужасов, где мне досталась главная роль.

— Не знаю, кто такая эта Приянка, — наконец выдохнула Стеф, когда я замолчала. — Но уже готова зажигать шалфей, чтобы навести на неё порчу на понос. Серьёзно.

Не сдержавшись, я коротко и горько усмехнулась.

— Спасибо, Стеф. Но меня сейчас больше волнует не месть, а наказание.
Соседка удивленно моргнула.

— Драки под запретом, — напомнила я. — Могут отчислить.

Стеф открыла рот, закрыла и снова открыла — видимо, только теперь осознав всю серьёзность положения.

— Блин, — тихо произнесла она. — Блин, Сия...

Договаривать не требовалось. Мы обе прекрасно понимали, что теперь всё зависит не от нас. Подруга сунула мне в руки кружку с ромашковым чаем. Маленькие глотки отзывались приятным теплом в груди, зажатые мышцы постепенно расслаблялись, а глухая пустота внутри заполнялась подобием покоя.

Почти удалось прийти в себя, как в дверь постучали. Тело мгновенно напряглось. Кто там? Мисс Хопер? Приянка с группой поддержки? Комендант с приказом на выселение?

Стеф легко вскочила с кровати и махнула рукой:

— Спокойно, это ко мне.

Она распахнула дверь, и на пороге появился парень. Высокий, светловолосый, с открытой улыбкой и пронзительными светлыми глазами. Одетый просто — джинсы, свитер, кеды, — гость выглядел так, словно сошёл со страницы журнала о счастливой студенческой жизни.

— Брэд, проходи, — Стеф схватила его за руку и втащила в комнату. — Знакомься, это моя подруга, Сия.

Парень приветливо помахал и улыбнулся ещё шире. Пришлось ответить тем же — вяло, но вежливо.

— Сия, это Брэд, — представила Стеф, сияя так, будто привела в дом олимпийского чемпиона.

— Приятно познакомиться, — произнёс он приятным низким голосом с лёгкой хрипотцой.

— Взаимно.

— Так, ребятки, — Стеф хлопнула в ладоши. — Мне нужно в душ, и я буду готова. Брэд, посиди пока здесь. Не скучайте.

Она чмокнула кавалера в щёку, заодно подмигнула мне и выпорхнула в коридор, оставив нас наедине.

В комнате повисла тишина. Пришлось сидеть на кровати, закутавшись в пижаму, с пустой кружкой в руках. Брэд топтался посреди помещения, явно не зная, куда себя деть. Гость неловко оглядывал стены с плакатами, заваленный книгами стол и мокрые кеды у входа.

— Ну что ж, Брэд, — произнесла я, стараясь придать голосу дружелюбие. — Располагайся.

Парень кивнул и осторожно присел на край стула, будто опасался, что мебель развалится.

— Стеф много о тебе рассказывала, — начал он, пытаясь завязать разговор.

— Обо мне? — удивилась я. — И что же?

— Что ты умная. Много читаешь. Что ты... ну, — собеседник замялся, подбирая слово, — настоящая, что ли.

Удалось лишь хмыкнуть.

— Звучит как комплимент. Хотя обычно после подобных характеристик добавляют «странный».

Брэд улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, обворожительная.

— Нет, странной она тебя не называла. Скорее... сильной.

Пришлось промолчать. Сильная. Если бы парень знал, как полчаса назад я рыдала под душем, прижавшись лбом к кафелю, он бы так не сказал.

— А ты? — спросила я, переводя тему. — О тебе Стеф говорила мало.

— Экономика, третий курс. Играю в футбол. Не профессионально, пока что.

— Тоже спортсмен, — заметила я. — В университете их много. С одним сегодня даже столкнулась. Буквально.

— С кем? — Спросил Брэд с любопытством.

Я помедлила. Говорить или нет?

— С Кастилом Блэком, — ответила я, постаравшись произнести имя как можно будничнее.

Брэд изменился в лице. Совсем чуть-чуть, но это не скрылось от меня. Улыбка стала напряжённой, взгляд — внимательным.

— Столкнулась? — осторожно переспросил он. — В столовой. Разбил мой поднос и даже не подумал извиниться.

Парень закивал, но как-то слишком поспешно. — Он... непростой человек, — произнёс Брэд после паузы. — С ним лучше не связываться.

Я усмехнулась.

— И не собиралась. Это он в меня врезался, а не наоборот.
 — Тем более, — гость посмотрел со всей серьёзностью. — Если Блэк тебя заметил... будь осторожна.

Стало не по себе. Что значит «заметил»? Кастил меня и не разглядел толком. Просто прошёл мимо, как проходят мимо пустого места. Но почему-то предостережение Брэда застряло в голове маленькой занозой.

— Ладно, — произнесла я, чтобы разрядить обстановку. — Чай будешь?
 Брэд кивнул. Пока заваривала напиток, спиной чувствовала чужой взгляд, не тяжёлый и не навязчивый, скорее просто любопытный.

— Стеф говорила, ты на историческом? — спросил парень, принимая чашку.

— Ага. Будущим учителем истории стану. Мы ведь с ней в одной группе.

— Звучит... солидно. — Собеседник улыбнулся, и в этом выражении лица мелькнуло что-то тёплое. — В школе ненавидел этот предмет. А с тобой, наверное, можно и полюбить.

Я удивлённо приподняла бровь.

— Это сейчас была неуклюжая попытка сделать комплимент? Брэд рассмеялся — легко, открыто и совсем без обиды.

— Заметно?

— Есть немного.

— Вообще-то не спец по этой части, — признался он, отпивая из кружки. — Обычно всё проще: улыбнулся, назвал красивой, и дело в шляпе. Но с тобой... не знаю. Не хочется шаблонов.

Рука с чашкой замерла у губ. Вот это поворот.

— Брэд, — осторожно напомнила я. — Ты же вроде как парень моей подруги.

Он моргнул, будто только сейчас осознав двусмысленность фразы, и поспешно замахал руками.

— Да, да, конечно. Просто имел в виду... ну, что ты интересная. Не как все. Стеф повезло с компанией.

Удалось лишь хмыкнуть.

— Лихо ты выкрутился.

— Стараюсь, — парень подмигнул — едва заметно, словно проверяя реакцию.

Внешне я никак не отреагировала, сделав вид, что ничего не произошло. Однако внутри что-то ёкнуло, и это пугало. Было непривычно. Опасно.

Оставшееся время мы сидели молча, пили чай и ждали Стеф. За окном окончательно стемнело, в коридоре кто-то громко хохотал. Будни общежития шли своим чередом.

— Знаешь, — вдруг нарушил тишину Брэд, глядя на стекло. — Ты не похожа на человека, паникующего из-за отчисления.

— Почему?

— Сидишь здесь, спокойно разговариваешь со мной. На твоём месте меня бы уже трясло. Взгляд упал на собственные ладони. Кружка стояла ровно, пальцы не дрожали.

— Наверное, просто привыкла, — тихо отозвалась я. — Когда вся жизнь превращается в сплошной кошмар, перестаёшь замечать отдельные его проявления.

Собеседник наградил меня долгим взглядом — из тех, от которых хочется либо спрятаться, либо выложить всё как на духу.

— Ты очень красивая, Сия, — произнёс он просто, без подтекста и намёков. Как констатация факта.

Ответа у меня не нашлось. К счастью, в коридоре зазвучали шаги, и через секунду в комнату влетела Стеф — свежая, румяная, с мокрыми волосами и счастливой улыбкой.

— Ну что, не скучали без меня? — пропела она, плюхаясь на матрас рядом с кавалером и чмокая его в щёку.

— Всё пучком, — отозвался Брэд, даже не взглянул на меня. Как будто ничего и не было.

А я сидела и думала: что это только что было?

Дорогие читатели!

Если вам нравится эта книга, прошу поддержать её звездочкой, комментарием и подпиской на меня ##

Арт к главе:

Глава 8

На следующий день меня вызвали в ректорат.

Сообщение пришло утром, когда только допивался чай, а в голове прокручивались попытки убедить себя, что жизнь не закончена. Стеф ещё спала, разбросав по подушке светлые пряди, оставалось лишь позавидовать её способности отключаться от реальности.

Одеться удалось как можно аккуратнее: чистая футболка, джинсы без дырок, волосы собраны в хвост. Всё равно в ректорате не модный показ, а трибунал. Кабинет находился на третьем этаже главного корпуса. Массивная дверь с табличкой, ковровая дорожка в коридоре, запах свежего кофе и дорогой кожи — все здесь кричало о статусе и благородстве. Я чувствовала себя нашкодившим котёнком, которого сейчас ткнут мордой в лужу.

После моего стука раздался мужской голос, равнодушный и уставший:

— Войдите.

За огромным столом из тёмного дерева сидел мистер Поттер. Ректор — лысоватый мужчина лет пятидесяти с сонным взглядом человека, который за карьеру повидал столько студенческих драм, что все они слились в одну бесконечную серую ленту. Рядом, на отдельном стуле, сидела мисс Хопер. Лицо у неё оставалось непроницаемым, но в глазах при виде меня мелькнуло что-то похожее на сочувствие. А в руках мистера Поттера был телефон. Да, он явно посмотрел видео.

— Присаживайтесь, мисс Флоренс, — кивнул он на место напротив.

Мои дрожащие колени, к счастью, вряд ли были заметны со стороны. Мистер Поттер отложил гаджет и поднял взгляд с лёгкой скукой. Для него это была просто рутина. Ещё одна буйная студентка, ещё одна разборка, ещё одна бумажка.

— Ваша объяснительная принята к сведению, — начал он ровным голосом. — И мисс Вайш тоже.

Я затаила дыхание.

— В принципе, мне понятно, что произошло. Очевидно, что вас спровоцировала мисс Вайш. — Он вздохнул и поправил очки. — Я таких задир чую за версту. Были в моей практике, есть и будут.

Я быстро заморгала от удивления. Он что, на моей стороне?

— Но правила университета остаются прежними, — ректор посмотрел поверх очков. — И к сожалению, вы понесёте наказание. На первый раз — смягчённое. Вы не будете отчислены, мисс Флоренс.

Воздух вышел из лёгких со свистом, и на секунду показалось, будто с плеч свалилась бетонная плита.

— Однако, — продолжил ректор, заставив снова замереть, — на этот семестр вы лишаетесь стипендии.

Тишина. В ушах зазвенело.

Стипендия. Единственные деньги, на которые удавалось существовать. Еда, проезд, тетради, книги, изредка одежда — весь мой бюджет держался на этих выплатах.

Челюсть приоткрылась для возражения, но слова застряли в горле. Откуда брать средства? Как жить? Устроиться на работу невозможно: учёба занимает всё время, а если я начну пропускать пары, меня точно выгонят. И тогда всё, ради чего я терпела, ради чего выживала, рухнет.

— Мистер Поттер, — вдруг вмешалась мисс Хопер.

Я повернулась к ней. Женщина сидела с прямой спиной и смотрела на ректора так, будто между ними шёл беззвучный диалог.

— Благодарю за справедливое решение, — произнесла она ровно, хотя в голосе чувствовалось: исход не совсем тот, на который она рассчитывала .

Мисс Хопер поднялась, подошла ко мне и взяла за руку. Тёплая сухая ладонь легонько сжала мои пальцы, давая знак: «Идём. Отделалась малой кровью, не спорь». Пришлось послушно встать на ватные ноги. В голове гудело.

— Всего доброго, мисс Флоренс, — кивнул ректор, тут же потянувшись к следующему документу.

В коридоре уже стояла Приянка.

Зачинщица прислонилась к стене напротив входа, скрестив руки на груди, и смотрела с такой ненавистью, будто хотела испепелить взглядом. Глаза узкие, губы сжаты в нитку — девушка явно ждала своей очереди. Шаг на секунду замедлился, наши взгляды встретились. Но лёгкий толчок мисс Хопер в плечо заставил двигаться дальше. За спиной хлопнула дверь — Приянка вошла внутрь.

У окна в конце коридора я прислонилась лбом к холодному стеклу.

Стипендии нет.

Стипендии. Нет.

Как я теперь буду жить? Экономить на еде? Так экономия и без того была на всём. Перестать покупать тетради? Но ведь мне нужно учиться. Продать что-то? У меня ничего нет.

Я смотрела на университетский двор, на студентов, которые куда-то спешили, смеялись, обнимались. От этого зрелища внутри разрасталась пустота.

Уходить не хотелось, как и глупо было чего-то ждать. Но сдвинуться с места не получалось. Я решила постоять у приёмной и дожждаться Приянку. Зачем? Чтобы увидеть её торжество? Чтобы она прошла мимо с победной ухмылкой, бросив очередную гадость?

Не знаю. Возможно, это мазохизм. Может, мне нужно было дно, чтобы наконец оттолкнуться.

Ожидание длилось от силы десять минут. Коридор пустовал, лишь вдалеке гудели голоса и стучали двери.

Наконец дверь кабинета распахнулась. Приянка вылетела оттуда, как фурия. Лицо обидчицы пошло багровыми пятнами, а глаза горели такой ненавистью, что на секунду стало страшно: казалось, она кинется на меня прямо здесь, при свидетелях.

Девушка подошла вплотную. В нос ударил приторно-сладкий, маслянистый шлейф восточных духов.

— Ну что, довольна? — прошипела она, вцепившись взглядом в мои глаза. — Меня отчисляют! Из-за такого ничтожества, как ты!

Она развернулась и бросилась прочь. Каблуки застучали по полу, словно пулемётная очередь.

Я смотрела ей вслед и не могла пошевелиться.

Отчисляют.

Её отчисляют.

А я лишилась стипендии.

В этой войне проиграли обе. Только Приянке, скорее всего, все равно: богатый отец легко устроит перевод в любой другой университет.

А у меня...

У меня ничего.

Из кабинета вышла мисс Хопер. Заметив меня у окна, она остановилась и тихо покачала головой:

— Да уж, дамы. Заварили вы кашу. Жаль, что так всё вышло.

Я посмотрела на неё. Хотелось сказать спасибо, спросить, как теперь жить, а после расплакаться у неё на плече.

Но с губ не слетело ни звука.

Я просто развернулась и побрела к выходу.

Ноги несли сами: лестница, вестибюль, тяжёлые двери, улица. Холодный воздух ударил в лицо, но мне стало только хуже. Внутри всё горело, а снаружи мир казался сырым и серым — в тон моим мыслям.

День отстой.

Глава 9

После того случая прошло ещё пара дней.

Так себе было, если честно.

Я ходила на пары, сидела в библиотеке, делала вид, будто все нормально. Внутри до сих пор саднило от потери стипендии, а каждое утро начиналось с тревожных подсчётов: сколько у меня осталось? На сколько хватит? Что покупать из еды через месяц?

Но Стеф оказалась настоящим ангелом. Подруга таскала еду из столовой, незаметно подсовывала свои йогурты в холодильник, а при любых попытках протеста просто закрывала мне рот ладонью и говорила: «Молчи, а то обижусь». И я молчала. Потому что спорить, когда она в режиме «спасателя», бесполезно.

— Я не дам тебе умереть с голоду, — заявила она в первый же вечер после ректората, грозно нависая сверху с пачкой печенья в руках. — Родители не обеднеют, если буду немного делиться. Им вообще всё равно, на что тратятся деньги, лишь бы их дочь была счастлива.

Стеф и правда выросла в обеспеченной семье. В общежитии поселилась только потому, что сама настояла. По её словам, хотелось прочувствовать вайб настоящей студенческой жизни, а без общаги это не то. За такую искренность и хотелось её любить. Подруга могла бы жить в отдельной квартире с кондиционером и личной ванной, но выбрала восемнадцать квадратных метров на двоих, скрипучие кровати и общий душ. Потому что в душе она простая девчонка, сколько бы денег ни было у её отца.

Конечно, сидеть у неё на шее не хотелось. Но, признаться честно, без такой помощи уже пришлось бы свихнуться. Поддержка Стеф оставалась единственным, что удерживало от желания забиться в угол и выть.

К тому же в последнее время она выглядела окрылённой. Стеф порхала по комнате, напевала под нос, то и дело зависала в телефоне с глупой улыбкой. И говорила, говорила, говорила. Только о Брэде.

Оказалось, они уже переспали.

— Сия, — прошептала она на ухо, хотя вокруг никого не было, — это было... ну такое... Даже не знаю, как объяснить. Он такой нежный, но при этом... Ох, в общем, кажется, он тот самый.

Я улыбнулась и обняла её.

— Рада за вас, правда.

И это было искренне. Хоть кто-то из нас должен быть счастлив.

Мы сидели на кроватях с чашками тёплого чая, как вдруг Стеф подскочила, будто её укусили.

— Кстати, Сия! — воскликнула она, хлопнув себя по лбу. — Завтра же эта выставка? Ну, с камнями этими древними?

Переваривая резкую смену темы, я лишь утвердительно кивнула:

— Точно. Выставка уже завтра.

Это совсем вылетело из головы. Из-за драмы в ректорате и потери стипендии мысли о мероприятии попросту испарились.

— Думаю, мы отлично проведём там время, — добавила я, пытаясь вспомнить рассказы мисс Хопер. — Гид там будет какой-то крутой. Он лично возит коллекцию по миру. Естественно, за огромные деньги.

Стеф мечтательно закатила глаза:

— Да, как хорошо, что в нашем университете учится Кастил Блэк. А то бы мы с тобой такие древности не увидели.

При упоминании этого имени внутри что-то неприятно ёкнуло, словно холодный палец провёл по позвоночнику.

— Ага, — последовал мой короткий ответ.

— Кстати! — соседка снова подскочила на месте. — Сегодня же игра у нашей футбольной команды! Брэд звал поболеть за него. Может, сходишь со мной?

Взгляд в её сторону был полон сомнения:

— Я абсолютно не разбираюсь в футболе.

— Да там и нечего разбираться! — отмахнулась подруга. — Просто визжи и хлопай, когда кто-то из парней в чёрной форме возьмёт в руки мяч. Вот и все правила.

Я пожалала плечами. А почему бы и нет? День всё равно серый, настроение так себе, а Стеф светится как лампочка. Может, и мне передастся немного этого тепла.

— Пошли, — согласилась я.

Соседка взвизгнула и захлопала в ладоши, будто речь шла о чем-то грандиозном.

— Тогда собираемся! Живо!

Я полезла в гардероб за обычными джинсами. Удобно, привычно, незаметно. Но Стеф тут же вырвала их у меня из рук с таким видом, будто я собралась идти на светский раут в мешке из-под картошки.

— Ну уж нет, дорогуша, — заявила она, уперев руки в бока. — Наденем юбки!

Нырнув в мои полки, подруга через секунду извлекла оттуда клетчатую ткань. Мини. Ту самую, которая была куплена год назад под её давлением и ни разу не надевалась.

— Вот это будет идеально! — Стеф бросила находку, а следом — чёрный топ. — И кеды. Конверсы. Всё, образ готов.

Сама она уже рылась в собственном комоде и через пять минут предстала перед зеркалом в белом мини-комплекте с синей рубашкой, повязанной на поясе.

— Ну как? — девушка кокетливо покрутилась.

— Ослепительно, — честно ответила я.

Стеф довольно улыбнулась.

Подруга — обладательница роскошных белоснежных прядей, натуральных, не крашенных, красиво развевающихся на ходу. У меня же обычные русые, которые мама называла «мышинными». Но сегодня, глядя на своё отражение в короткой юбке и топе, я подумала: *а ничего так. Может, даже симпатично.*

После душевной общаги тёплый летний воздух обнял нас, как старый друг.

До стадиона идти минут десять, и по пути удалось заглянуть за мороженым. Стеф выбрала фисташковое, а мой выбор пал на шоколадное. Мы прогуливались по улицам Принстона, облизывали мороженое и смеялись над какой-то ерундой.

Именно в такие моменты чувствуется настоящая жизнь.

Солнце светит, ветер играет волосами, близкий человек рядом, а впереди — целый вечер без забот. Даже мысли о стипендии отступили куда-то далеко-далеко.

Стадион гудел. Стоило войти через главные ворота, как нас оглушили крики, свист и топот трибун. Воздух буквально вибрировал от энергии. На поле вовсю кипел матч — местные «Тигры» против соперников из другого университета. Парни в чёрной форме выглядели внушительно и серьёзно. Они носились по газону как звери, и даже человеку, ничего не понимающему в спорте, становилось ясно: это не просто игра, а битва.

Нам удалось отыскать свободные места поближе к полю. Стеф сразу вцепилась взглядом в бегающие фигурки, высматривая Брэда.

— Вон он! — закричала она через минуту, дёргая меня за руку. — Видишь? Седьмой номер!

Я вгляделась в толпу игроков. Мелькали спины, цифры, тёмная экипировка. И вдруг взгляд выхватил другое лицо.

Кастил Блэк. Конечно, капитан просто обязан был находиться на поле. Сейчас, в форме, весь взмокший, с сосредоточенным лицом, он выглядел настоящим хищником: огромным, мощным, невероятно быстрым. И кто бы сомневался, он играл под номером один.

Блэк перехватил мяч и понёсся к воротам противника. Трибуны взорвались. Наблюдая за его движениями, за тем, как он уворачивается от соперников, как мышцы перекачиваются под мокрой от пота тканью, внутри все сжалось. Не от восхищения. От страха.

Он был прекрасен. Как греческий бог, сошедший с пьедестала, или Аполлон — только с глазами Аида. Пробежав всю дистанцию, Блэк доставил мяч куда нужно, и трибуны сошли с ума. Стеф визжала и аплодировала, увлекая меня за собой. Я тоже захлопала, машинально, глядя, как Кастил поднимает руку в победном жесте, как парни хлопают его по спине и как он улыбается.

И в этот момент капитан повернул голову. Прямо к трибунам. На меня.

Наши взгляды встретились.

Всего на секунду, а может, и меньше, но показалось, будто время остановилось. Стадион словно замолчал, оставив в пространстве лишь этот тяжёлый, немигающий взор.

Затем Блэк отвернулся и побежал дальше.

Я выдохнула.

— Ты видела? — кричала Стеф на ухо. — Он гений! Наш капитан просто гений!

— Видела, — прозвучало в ответ, но голос вышел глухим, будто из ваты.

Сердце колотилось от искренней радости за нашу команду. Дура. Просто совпадение. Парень смотрел на болельщиков, среди которых находились сотни людей. Но внутри засела гадкая мысль: а вдруг Брэд был прав? Что, если он меня заметил? И что тогда?

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение, и улыбнулась Стеф. Матч продолжался в криках, хлопках и общей радости, но краем глаза я постоянно ловила на поле тёмную фигуру с первым номером.

И мне было не по себе.

Глава 10

После матча мы стояли у выхода со стадиона в ожидании Брэда. Народ валил толпой, обсуждая игру, перекрикиваясь и смеясь. Кто-то скандировал названия команд, кто-то уже пил пиво из бумажных стаканчиков. Вечер казался тёплым, лёгким, наполненным той особенной энергией, которая бывает только после триумфа. Стеф светилась. Подруга то и дело подпрыгивала на месте, вглядываясь в выходящих спортсменов, и теребила меня за локоть:

— Ну где он? Почему так долго?

— Стеф, парням же нужно принять душ, переодеться, — усмехнулась я. — Не выбегут же они к тебе прямо в форме и с боевыми фингалами.

— А я бы не против, — мечтательно закатила глаза соседка.

Наконец Брэд появился. Высокий, внушительный, с ещё влажными волосами и такой сияющей улыбкой, что, казалось, она освещала всё вокруг. Чистые джинсы и футболка сидели на нем идеально — парень выглядел так, будто не бегал по полю два часа, а только что вышел с фотосессии.

— Девчонки! — Он подлетел ближе, сгрёб Стеф в охапку и крутанул вокруг себя. — Ну вы видали, как мы разгромили этих «Рысей»? У них не было ни единого шанса!

— Да, вы прямо настоящие звери! — Подруга повисла у него на шее и чмокнула в щеку.

— Очень интересная игра, — подметила я, стараясь звучать искренне. В конце концов, это правда было зрелищно.

Брэд отпустил Стеф, но ладонь с её плеча не убрал. Посмотрел на меня довольно:

— Да, сам остался под впечатлением. Матч была просто кайф. — Переведя взгляд на Стеф, парень добавил чуть тише, с той самой интонацией, от которой у девчонок, наверное, подкашиваются колени: — Как и моя сладкая девочка.

Я отвела глаза.

Ситуация становилась неловкой.

Стоя рядом, трудно было не почувствовать себя третьим лишним в этой идиллической телеге. Они смотрели друг на друга так, будто вокруг никого не существовало, отчего мне вдруг стало неуютно в собственной шкуре.

Возможно, им просто неудобно меня прогонять или они хотят побыть вдвоём, но не решаются сказать прямо.

Ладно. Скажу сама.

— Эм, ребят, — я сделала шаг назад, — вы идите, а мне, наверное, пора в общагу. Устала немного.

— Сия, нет! — Стеф тут же развернулась, вырываясь из объятий Брэда. — Мы пришли сюда вместе и уйдём вместе.

Подруга посмотрела на моё лицо и, видимо, что-то поняла неправильно. Потому что следом прозвучало то, от чего захотелось провалиться сквозь землю прямо здесь, у входа на стадион.

— А, или переживаешь из-за денег? — Стеф отмахнулась. — Дурашка, я заплачу за тебя, не парься.

Господи. Щёки мгновенно залились краской. Сказать такое при её парне! При Брэде, который теперь смотрел с явным любопытством. Ситуация стала вдвойне неловкой.

— Нет, Стеф, — выдавила я, стараясь сохранить ровный тон. — Всё в порядке. Я правда лучше пойду.

Но тут вмешался Брэд.

— Дамы, — произнёс он, и в голосе появились командирские нотки, — я, конечно, всё понимаю, но я в состоянии сам оплатить ужин. — Парень посмотрел на меня с лёгким укором.

— Это вы ставите меня сейчас в трудное положение! Сия, возражения не принимаются! Идём! Живо!

— Да, Сия, пойдём! — подхватила Стеф, хватая меня за руку. — Мы же почти ничего не ели сегодня!

Я сдалась. Спорить с этой парой было бесполезно.

Вскоре мы зашли в кафе «Бульдог». Место пользовалось бешеной популярностью среди студентов: всегда полный зал, вкусная еда, демократичные цены и особая атмосфера, где можно было и посидеть с друзьями, и отпраздновать победу, и просто спрятаться от серых будней.

Пустых столиков практически не оставалось. Однако стоило Брэду переступить порог, как подошёл официант и проводил нас к отдельному месту в углу с табличкой «Забронировано».

Видимо, он здесь свой человек.

Мы сели. Стеф с Брэдом устроились на одной стороне дивана, прижавшись друг к другу так плотно, что казались единым целым. Я села, напротив.

Когда принесли меню, взгляд быстро пробежался по ценам и сразу нашёл самое дешёвое — салат за пять долларов и воду. Идеально.

— Салат и воду, — озвучила я заказ официантке, закрывая меню.

Брэд поднял глаза.

— Сия, — спокойно, но твёрдо произнёс он. — Прошу, не оскорбляй меня. Закажи нормальную еду.

— Я...

— Стеф, что ты берёшь? — перебил он, не давая мне договорить.

— Стейк с картошкой, — тут же отозвалась Стеф. — Сия, давай тоже мясо? Здесь оно божественное.

— Не думаю, что...

— Три стейка, — распорядился Брэд, обращаясь к официантке. — Средней прожарки. И картофель к ним. И ещё... — Он взглянул на Стеф. — Вино?

— Да, — хихикнула та. — Можно белое.

— Бутылку белого, — кивнул футболист. — И воду, конечно.

Официантка записала заказ и упорхнула.

Я застыла с открытым ртом.

— Это... это слишком, — попыталась я возразить.

— Сия, — Брэд посмотрел на меня с лёгкой усмешкой. — Расслабься. Ты подруга моей девушки. Мы празднуем победу. Просто получай удовольствие.

Мне оставалось лишь молча кивнуть.

Стейк так стейк.

Мы провели кафе около получаса. Брэд без умолку делился впечатлениями от матча, и это ничуть не раздражало. Наоборот, такое состояние было вполне понятным: эмоции и адреналин до сих пор бурлили в крови после тяжёлой битвы. Он даже казался милым в этот момент — разгорячённый, счастливый, живой. Парень рассказывал, как они готовилась к игре, как тренер орал в раздевалке, как Кастил всех разорвал и как парни чуть не разнесли скамейку от радости.

При упоминании Блэка внутри все напряглось, но виду я не подала.

— ...а он вообще зверь, — говорил Брэд, расправляясь с ужином. — Если бы не он, мы бы проиграли. Кастил — просто машина. Не знаю, как у него получается, но этот парень всегда в нужном месте в нужное время.

— Ты тоже молодец, — Стеф погладила его по руке. — Видела, как ты носился.

— Ну, я старался, — улыбнулся Брэд.

В этот момент у Стеф зазвонил телефон. Глянув на экран, она нахмурилась, коротко извинилась и отошла к выходу, где было потише.

Мы с Брэдом остались за столиком вдвоём. Повисла пауза. Я сосредоточенно ковырялась в стойке, делая вид, будто этот процесс требует максимального внимания.

— Сия, — вдруг негромко произнёс Брэд.

Я подняла глаза.

— Прости, если перегнул с заказом. Просто... ну, Стеф много о тебе рассказывала. Знаю, что у тебя сейчас сложный период. И мне хочется помочь, если это в моих силах.

Я сглотнула.

— Спасибо, — ответила тихо. — Правда. Но я не привыкла, чтобы за меня платили.

— Привыкай, — улыбнулся он. — Иногда можно позволить другим о тебе позаботиться.

Ответить на это было нечего, и разговор снова прервался. Но молчание казалось не тяжёлым, а почти уютным.

Вскоре вернулась Стеф. На подруге не было лица.

Она подошла к столику, опустилась на диван и уставилась в одну точку. Сразу стало понятно — случилось что-то ужасное.

— Ребят, — тихо произнесла она, и её голос дрогнул. — Тут такое дело... Бабушка в реанимации. Мне... мне нужно срочно уехать домой. На пару дней.

Я вскочила и в два шага оказалась рядом с ней.

Объятия вышли крепкими: ощущалось, как Стеф мелко дрожит. Брэд уже доставал телефон.

— Я вызываю такси, — скомандовал он. — Поеду с тобой.

— Нет, — Стеф покачала головой, вытирая уже покотившиеся по щекам слезы. — Нет, Брэд. Это семейные дела. Мне нужно ехать одной. — Она посмотрела на него сквозь пелену слез. — Вызови машину для меня, пожалуйста. И... — взгляд переместился в мою сторону. — Проводи Сию в общагу, хорошо? Напишу, как доберусь.

Я сжала её в объятиях ещё крепче.

— Всё будет хорошо, — прошептала я. — Обязательно.

— Спасибо, — выдохнула подруга в плечо.

Мы отпустили друг друга. Брэд объявил, что машина через пять минут будет у входа.

Всей компанией мы вышли на воздух. Стеф села в салон, махнула на прощание рукой и уехала.

На тротуаре остались только мы с Брэдом. Один на один. Вечер опускался на Принстон, зажигались фонари, где-то вдалеке до сих пор слышались отголоски стадионных криков. Взгляд провожал скрывающийся за поворотом автомобиль, а внутри все сжималось от тревоги за Стеф.

— Ну что, — Брэд повернулся ко мне. — Проводить тебя?

— Не обязательно, — ответила я. — Тут недалеко.

— Стеф просила, — напомнил парень с лёгкой улыбкой. — А я обещал.

Я кивнула, нехотя соглашаясь.

Мы пошли по вечерним улицам. Не быстро и не медленно — просто двигались рядом.

— Ты как? — спросил Брэд через минуту.

— В каком смысле? — удивилась я. — Это не у меня бабушка в реанимации.

— Но ты переживаешь за подругу. Это тоже тяжело.

Взгляд сам собой задержался на нём. В полумраке уличных фонарей его светлые волосы отливали золотом, а глаза казались ещё более голубыми.

— Ты хороший парень, Брэд, — сорвалось с губ неожиданно для самой себя.

Он усмехнулся:

— Спасибо. Стараюсь.

Вскоре показалось здание общежития. Мы остановились у входа.

— Спасибо за компанию, — сказала я. — И за ужин. Правда.

— Обращайся, — улыбнулся Брэд. — И... Сия.

— Да?

— Ты правда красивая. Я не просто так это сказал тогда.

Развернувшись, парень направился обратно — скорее всего, к кафе, где, наверное, оставил автомобиль.

А я стояла и смотрела ему вслед.

Что это было?

Просто комплимент? Или...

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение. Хватит. Брэд — парень Стеф. Моей подруги. И точка. Но внутри всё равно шевельнулось что-то тёплое и опасное.

В общагу я зашла с тяжёлым сердцем. Впереди ждали пустая комната и долгая ночь с мыслями о Стеф, её семье и о том, что жизнь никогда не бывает спокойной.

Арт к главе:

Глава 11

Когда я вернулась в нашу комнату, первым делом решила принять душ.
 Завтра выставка. Надо привести себя в порядок, выспаться, чтобы на мероприятии не клевать носом. Стеф нет, и оттого было непривычно тихо и пусто. Только мои мысли и шум воды за стеной.

Горячие струи обжигали тело, пока кожа не покраснела, а пар не заполнил всю кабинку. Вода смывала остатки сегодняшнего дня — футбол, кафе, тревогу за Стеф, странный разговор с Брэдом у входа.

И его комплимент. «Ты правда красивая».

С протестом я мотнула головой, прогоняя эту мысль. Глупости. Он просто был под впечатлением от игры и вина. И вообще, он парень моей подруги. Точка.

Выключив воду, я замоталась в полотенце и направилась к своему телефону.

Влажный воздух тянулся шлейфом. Я включила музыку, чтобы хоть немного заполнить тишину. Заиграла Лана.

Damn you, man, you really know how to get me going...

Идеально. Под неё даже глажка сойдёт за искусство.

Я достала из шкафа чёрную блузку и длинную юбку — завтра необходимо выглядеть прилично, не в джинсах же идти на выставку, спонсируемую семьёй Блэков. Включила утюг, разложила вещи и принялась за дело.

Музыка играла громко. Лана тянула свои низкие, тягучие ноты, и я качалась в такт, проводя утюгом по ткани. В комнате было тепло, влажный жар от глажки смешивался с паром после душа, и я чувствовала себя почти расслабленно.

Почти.

А потом я почувствовала руки.

Кто-то обнял меня сзади за талию.

От испуга я подскочила так, что утюг едва не выпал из рук. Резко обернулась, сжимая его как оружие.

Передо мной стоял Брэд.

— Какого чёрта?! — выкрикнула я, прижимая утюг к груди как щит.

Брэд поднял руки в примирительном жесте. Лицо у него было растерянное, виноватое и одновременно... возбуждённое? Чёрт, даже не знаю, как это назвать.

— Сия, прости, — произнёс он быстро. — Прошу, прости. Я стучал, но ты не слышала. Дверь была не заперта, я зашёл...

Раздался мой облегчённый вздох. Музыка всё ещё орала, и я действительно могла не услышать стук. Идиотка.

— Брэд, что ты здесь забыл? — спросила я, ставя утюг на доску, стараясь предать голосу твёрдости. Однако внутри всё дрожало. — Ты как сюда вообще попал? В общагу? В нашу комнату?

— Стеф дала мне ключ, — признался он. — На случай, если вдруг что-то срочное, а она не берёт трубку. Хотел проверить, как ты. Переживал, что ты расстроена из-за Стеф.

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

— Всё в порядке, — ответила я холодно. — А теперь уходи.
 Но он не слушал. Он стоял и глядел на меня. На мои мокрые волосы, на полотенце, которое едва держалось, на мои губы.

— Прости, Сия, — повторил он тише. — Прошу, прости. Но я всё никак не могу перестать думать о тебе.

У меня перехватило дыхание.

— Что?

— Я боролся с желанием, — продолжал он, делая шаг ко мне. — Честно. С того самого вечера, когда мы пили чай в твоей комнате. Но не смог. Ты такая... пленяющая. И милая. И настоящая.

Я стояла перед ним в одном полотенце. До невозможности глупо. До невозможности уязвимо.

— Брэд, — сказала я, чувствуя, как голос срывается. — Думаю, тебе лучше уйти.

Он закивал. Резко, послушно, будто очнулся.

— Да. Ты права. Зря я это. Прости, пожалуйста.

Он развернулся и отправился к двери. Я выдохнула. Сейчас он уйдёт, и можно будет перевести дух, собрать мысли в кучу и забыть этот кошмар.

Но у двери он замер.

Повернулся.

— Слушай, — сказал он, кивая на телефон, где всё ещё играла Лана. — А классная эта песня. *Damn you*. Под такую лирику грех не поцеловаться, правда?

И он ринулся обратно.

Быстрым шагом. Решительно. Прежде чем я успела сказать хоть слово, парень снова оказался рядом.

И самое ужасное — *мне хотелось, чтобы он вернулся*.

Я ненавидела себя за это. За то, что внутри всё затрепетало. За то, что когда он снова обвил руками мою талию, я не отшатнулась. За то, что его близость не вызвала отвращения, а наоборот — заставила сердце биться где-то в горле.

Он притянул меня к себе и поцеловал.

Чёрт!

Зачем он так?

Я ответила.

На мгновение действительно потеряла рассудок. В голове зашумело, колени ослабли, и я прильнула к нему, забыв обо всём. О том, что он парень моей подруги. О том, что это неправильно. О том, что я вообще-то в одном полотенце.

Поцелуй был жарким, настойчивым, требовательным. Совсем не таким, каким он мне представлялся в моих редких мечтах.

Но через несколько секунд реальность обрушилась ледяной волной.

Я отстранилась. Резко.

— Нет! — выкрикнула и с силой упираясь ладонями ему в грудь. — Брэд! Это неправильно! Прошу, уйди! Пожалуйста, уйди!

Голос сорвался на вопль. Я схватила его за руку и потащила к двери, не давая опомниться. Он не сопротивлялся — шёл послушно, как нашкодивший щенок.

Я распахнула дверь.

И о, чёрт.

В коридоре кто-то был.

Прямо напротив нашей комнаты стояла девушка. Я не сразу узнала её в полумраке, но когда она повернулась, сердце ухнуло в пятки. Мэнди. Соседка с третьего этажа. Та ещё сплетница, которая знает всё и про всех. И которая, кажется, только что видела, как из моей комнаты поздно вечером выходит парень.

Парень моей лучшей подруги. Мэнди перевела взгляд с меня на Брэда, потом обратно. На моё полотенце, на мои мокрые волосы, на мои покрасневшие щёки.

Улыбнулась. Медленно, понимающе, мерзко.

— Ой, — сказала она сладким голосом. — А Брэд случайно не мутит со Стефани?

Я захлопнула дверь. Прислонилась к ней спиной и сползла вниз.
 Сердце колотилось так, что, казалось, грудная клетка не выдержит. В ушах шумело. На губах всё ещё горел недавний поцелуй.

Снаружи слышались шаги Брэда, удаляющиеся по коридору. А потом тихий смешок Мэнди.

Я закрыла лицо руками. Что я наделала?

Гиф к главе:

Глава 12

Гадство. Гадство. Гадство. Гадство. Гадство.

Хуже и быть уже не может.

Это очень хреновый поступок. Это просто пиздец как плохо. Мне так стыдно. Я ужасная. Самая худшая подруга на свете.

Сидя на полу и прислонившись спиной к двери, я смотрела в одну точку.

Перед глазами всё ещё стояло лицо Мэнди. Её мерзкая, понимающая улыбка. И Брэд, который просто ушёл. Ушёл, оставив меня разбираться с этим дерьмом в одиночку.

Я не заслуживаю Стеф.

Она таскает мне еду, затыкает мой рот ладонью, когда я пытаюсь протестовать, говорит, что я сильная и настоящая. А я в ответ целуюсь с её парнем в её же комнате, пока она мчится к умирающей бабушке.

Какая же я тварь.

И когда она узнает — а она узнает, Мэнди растреплет всему этажу, — всё рухнет. Наша дружба. Её доверие. Всё, что у меня было. А я не могу её потерять. Просто не могу.

Я закрыла лицо ладонями и попыталась дышать. Не получалось. Воздух застревал в горле, лёгкие отказывались работать, и я сидела, раскачиваясь вперёд-назад, как ненормальная.

Это в сто раз хуже, чем, когда меня лишили стипендии.

Стипендия — это деньги. Это можно пережить. Можно экономить, можно тянуть, можно как-то выкрутиться. А дружбу Стеф не заменить ничем. Она — единственное тёплое пятно в моей холодной жизни. И я сама это пятно сейчас заливаю грязью.

Я не могу спать. Просто не могу.

Каждый раз, когда закрываю глаза, вижу его лицо, чувствую его губы на своих, и меня выворачивает от отвращения к себе. Кровать кажется раскалённой сковородкой. Простыни липнут к телу. В комнате душно, хотя окно открыто настежь.

Мне нужно пройтись. Подышать. Проветрить голову. Может, холод немного выстудит эту гадость из мыслей.

Я вскочила, быстро натянула — джинсы, футболку, толстовку, — и вылетела из комнаты, даже не заперевав дверь.

На улице было темно и довольно прохладно.

Ночь уже вступила в свои права, фонари горели тускло, как будто им тоже было лень освещать этот город. Воздух пах сыростью и уходящим летом. Где-то вдалеке лаяла собака.

Мне было плевать на холод.

Я заслужила замёрзнуть. Может, если простужусь и заболею, это будет справедливым наказанием? Глупо, конечно. Но в моей голове сейчас всё было глупым.

Я шла быстро, почти бежала, и думала.

Думала о том, что, может, меня никто не любит не потому, что мир жестокий, а потому что я и правда дерьмовый человек? Может, мать права, что вышвырнула меня? Может, Джон прав, что бил? Может, я действительно заслуживаю всего этого?

Ноги сами принесли меня к парку.

Обычно днём здесь куча народу — студенты, мамы с колясками, старики на скамейках. Но сейчас, в этот поздний час, сквер был пустым и жутковатым. Деревья шелестели листвой, как будто перешёптывались за спиной. Фонари горели через один, создавая длинные, дрожащие тени.

Я шла по главной аллее и прокручивала в голове самые худшие сценарии.

Вот Мэнди подходит к Стеф в столовой. Вот она говорит ей с той же мерзкой улыбкой: «А ты знаешь, что твоя подружка делала, пока тебя не было?» Вот лицо Стеф — сначала непонимающее, потом... что потом? Боль?

Гнев? Отвращение?

Она ни за что меня не простит. Ни за что.

Я шла и думала о том, что этот мир просто не принимает меня. Как бы ни старалась, как бы ни пыталась быть хорошей, незаметной, удобной — всё складывается не в мою пользу. Я как будто иду против течения, и силы уже на исходе.

Телефон завибрировал в кармане. Достав его, я глянула на экран. СМС с неизвестного номера. Открыв сообщение, я остолбенела. Там не было ни слова. Вообще ни одного символа. Только геолокация. Точка на карте, примерно в двадцати минутах от того места, где я нахожусь. Судя по навигатору, это какой-то район на окраине, рядом с лесополосой.

Я нахмурилась. Что за хрень?

Какой-то розыгрыш? Нет. Никуда я не пойду. Мало ли кто там ждёт. Маньяк какой-нибудь. Я убрала мобильный и пошла дальше. Но через минуту — новая вибрация.

Снова СМС. С того же номера.

«Рекомендую прийти. Настоятельно».

Блять. Ещё мне не хватало угроз.

Я остановилась посреди аллеи и тупо смотрела на экран.

«Настоятельно».

Кто так пишет? Полиция? Маньяк с хорошими манерами?

Да ладно. Давайте сделаем этот день самым отвратительным из всех. Чего уж мелочиться. Меня одолевали сомнения.

Разум кричал: не ходи, это идиотизм, это опасно, вали отсюда, в общагу, под одеяло, забудь.

Но внутри что-то упорно твердило: *надо*.

Это было странное, почти физическое ощущение. Как будто меня тянули за невидимую ниточку прямо в ту сторону. Любопытство? Отчаяние?

Или просто желание докрутить этот день до полного, абсолютного, бесповоротного пиздеца?

Я не знаю. Но я пошла. Шла быстро, почти бежала, сверяясь с картой. Освещение кончилось, дорога стала грунтовой, вокруг — какие-то гаражи, пустыри, заброшки. Город кончился, началась промзона. Пахло бензином, ржавчиной и гнилью.

Сжимая телефон в руке, я была готова в любой момент вызвать полицию.

Двадцать минут ада. Прибыв в место назначения, я поняла, что это не шутка.

Передо мной стоял огромный заброшенный дом.

Старый, кирпичный, в три этажа, с выбитыми окнами и облупившейся штукатуркой. Он возвышался среди пустыря, как чёрный зуб. Рядом — ни души, ни огонька. Только лесополоса темнела в отдалении, и ветер гнал по земле сухие листья.

Жутко. До мурашек, до дрожи в коленях.

Может, свалить? Пока не поздно? Пока ещё жива и невредима? Но я сделала шаг вперёд. И ещё один. И ещё. Сама не понимая, зачем это делаю. Тело двигалось как заведённое. Может, я хотела, чтобы меня убили.

Может, это был бы самый лёгкий выход из всего этого дерьма.

Я подошла к дому вплотную. Дверь была приоткрыта — чёрный провал, в котором ничего не видно.

А потом донеслись звуки.

Изнутри.

Глухие, тяжёлые, ритмичные. Словно там происходит что-то очень и очень страшное.

Глухой удар. Ещё один. И ещё. И тихий, сдавленный стон. Я замерла. Сердцебиение участилось. Руки похолодели. Это могло быть что угодно. Ремонт? Животные? Или...

Я толкнула дверь. Она открылась с противным скрипом, и я шагнула внутрь. В нос ударил запах сырости, плесени и чего-то металлического. Крови. Я сделала ещё несколько шагов в полной темноте, ориентируясь на звуки. Где-то впереди продолжались эти глухие удары.

А потом пробился свет. Слабый, дрожащий, из-под двери в конце коридора. Я подошла. Толкнула её. И перед моим взором открылось немыслимое...

Глава 13

Это был дьявол.

Во плоти.

Огромный, широкоплечий, в кожаной куртке, он возвышался посреди комнаты, как статуя древнего бога разрушения. На его голове была балаклава с изображением черепа — белая костяная ухмылка на чёрном фоне, и в тусклом свете единственной лампочки, болтающейся на проводе — казалась живой.

В его руке была огромная железная бита. Тяжёлая, местами ржавая, с тёмными пятнами на конце.

Я не сразу поняла, что кровь. А затем мой взгляд метнулся к другой фигуре. Она стояла на коленях. Прямо на грязном, залитом чем-то полу, согнувшись, опустив голову.

Руки были связаны за спиной, очевидно это был парень. Он покачивался, еле удерживая равновесие. Весь в крови.

Лицо разбито, рассечена бровь, из носа течёт, губа лопнула — я даже не могла разобрать все увечья.

Но я узнала его. По светлым волосам, перепачканным красным. По куртке, в которой он был сегодня в кафе.

Брэд.

И его сейчас избивают.

Я поднесла руку ко рту, зажимая его, чтобы не закричать. К горлу подступила тошнота от увиденного. Желудок сжался в тугий узел. Это сон. Это не может быть реальностью.

Но было.

Каждая деталь — запах крови, грязный пол, тусклый свет и этот монстр с битой — всё было настоящим.

А потом дьявол заговорил.

Голос низкий, глубокий. Спокойный. Пугающе спокойный для человека, который только что избил другого до полусмерти.

— Я убью этого ублюдка.

Он посмотрел на меня. Прямо сквозь прорези балаклавы я видела его глаза — синие, немигающие, холодные.

— Ты хочешь этого?

Мои глаза округлились. *Что? Нет. Нет, конечно, я не хочу этого.*

Я была в состоянии шока. Слова застряли в горле, мысли спутались. Я смотрела на Брэда, на его разбитое лицо, на то, как он пытается взглянуть на меня.

— Отпусти его! — наконец-то выкрикнула я. Голос прозвучал тонко, жалобно, но громко.

Дьявол склонил голову набок, как пёс, разглядывающий странную букашку.

— Видишь ли, — сказал он всё тем же размеренным тоном, — он плохо себя повёл. А за плохое поведение обычно наказывают.

— Он не сделал ничего такого! — Я сделала шаг вперёд, хотя внутри всё кричало: беги, зови помощь, не стой здесь.

— Ничего такого? — В голосе дьявола появилась насмешка. — То есть хочешь сказать, он не украл твой первый поцелуй?

Я застыла. Воздух застрял в лёгких. Что? Откуда он знал?

Это произошло буквально пару часов назад. Я сама ещё не пришла в себя. Откуда... откуда ему это известно?

Неужели Мэнди уже всем растрепала? Но зачем? И даже если так, то зачем вообще кому-то это надо? Кому какое дело до того, с кем я там целовалась?

Стоп.

И откуда он знает, что я никогда раньше не целовалась? Я уставилась на незнакомца в упор, пытаюсь разглядеть хоть что-то за этой дурацкой маской. Кто он?

— Чего ты хочешь? — спросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Зачем все это?

Он рассмеялся.

Бархатным, низким смехом, от которого по коже побежали мурашки. Этот звук совершенно не вязался с внешностью — с битой, кровью и черепом на ткани. Смех звучал почти... красиво. Как смеются богачи.

Да кто он, чёрт возьми?

— Хочу справедливости, — сказал незнакомец, замолкнув. — Светлячок.

Чего? Светлячок? Это он мне? Какой к чёрту светлячок?

Никто никогда не называл меня так. Это было странно, неуместно и почему-то больно. Как будто монстр имел право придумывать мне прозвища.

— Просто оставь его, — я снова шагнула вперёд. Теперь до них оставалось всего несколько метров. — Отпусти его, пожалуйста, и мы уйдём. Никто ничего не узнает. Забудем всё и разойдёмся.

— Оставить? — Мучитель усмехнулся. — Ты разве ещё не поняла, светлячок? Я убью его.

Происходящее казалось полным абсурдом.

Бред еле держался на коленях и что-то скулил. Я не могла разобрать — то ли он просил о помощи, то ли просто мычал от боли. Парень смотрел умоляюще, но что я могла? Каковы мои шансы против этой горы мышц с битой?

— Я сейчас же вызову полицию! — выкрикнула я в отчаянии.

Монстр снова издал смешок. Этот звук начинал бесить.

— Вызывай, — кивнул он, поигрывая оружием. — Пока они приедут, как раз проломлю ему башку. Ах да, — добавил парень, делая паузу, — здесь связь не ловит. Тебе придётся пройтись. Минут десять туда, десять обратно. Исход один.

Мучитель замолчал, давая осознать масштаб катастрофы.

— Он сдохнет.

Оставалось лишь смотреть на него в абсолютной растерянности. В голове было пусто. Страх сковал тело, мешая соображать.

— Тогда чего ты хочешь? — спросила я тихо.

Ведь зачем-то он меня сюда позвал.

Он задумался. Постучал битой по плечу, сделал круг вокруг Брэда, словно акула вокруг своей тонущей жертвы.

— Хм, — протянул он. — Дай-ка подумать.

Моё дыхание замерло в ожидании.

— Пожалуй, есть один вариант, — сказал он наконец. — Не убью его, если ты...

Он замолчал, смакуя паузу.

— ...станешь на колени и поцелуешь эту битку.

Дьявол указал на окровавленное оружие. Я уставилась на тёмные пятна на металле, на то, как тусклый свет отражается от ржавой поверхности. Он просто псих. Большой урод.

— Ты чудовище, — вырвалось у меня с презрением.

Я готовилась встретить поток ярости, но реакция оказалась обратной — ему явно понравилось.

— Всё верно, светлячок, — кивнул он с лёгким смешком в голосе. — А теперь двигай своей задницей и становись на колени, если хочешь, чтобы это ничтожество выжило.

Взгляд метался от маски с черепом к Брэду, который скулил и глядел на меня с надеждой. Выбора не оставалось.

Я начала медленно приближаться к этому уроду.

Шаг. Ещё один. Ноги будто налились свинцом, каждое движение давалось с трудом, словно путь лежал не по грязному полу заброшенного дома, а по засасывающей всё глубже трясине.

Чёрт, что я творю?

Нужно бежать отсюда как можно дальше, звать на помощь, сделать хоть что-то разумное!

Но я не могу.

Если сбегу, этот монстр его прикончит, а жить с этим дальше будет невозможно.

Не получится смотреть в зеркало и спокойно спать по ночам, зная, что шанс на спасение человека был упущен из-за моей трусости.

Блять. Дерьмо. Просто полное дерьмо. Зачем я сюда пришла? Ведь я чувствовала, что случится пиздец. Знала, когда получила эту дурацкую смс, когда шла через пустырь, когда толкала эту чёртову дверь. Все понимала, но пошла!

Реальность оказалась в разы хуже любых фантазий.

Я даже не могла себе представить, что, после драки с Приянкой, потери стипендии и дурацкого поцелуя с Брэдом случится куда больший кошмар. Оказалось — может. Ещё как может.

Бог явно за что-то меня наказывает. Ну не бывает настолько плохо просто так. За что? За то, что выросла плохой дочерью? За ненависть к матери? Или за то, что ответила на знаки внимания со стороны парня подруги?

Расстояние сократилось до минимума.

Метр, не больше. В нос ударил тяжёлый запах кожи и металла. Стала видна каждая царапина на бите, каждое тёмное пятно.

— Умница, — протянул маньяк.

Голос низкий, довольный. Как у кота, который загнал мышь в угол и наслаждается моментом.

— А теперь на коленки.

Он указал битой на пол прямо перед собой.

Блять. Поверить в происходящее до сих пор не получалось.

Бред продолжал стоять на коленях, с трудом удерживая равновесие. Один его глаз заплыл, превратившись в узкую щёлку, из рассечённой губы сочилась кровь. В этом умоляющем взгляде читалось что-то настолько жалкое, что внутри всё перевернулось.

Ну и досталось же ему.

Я зажмурилась. Сделала глубокий вдох.

И опустилась на колени перед этим уродом.

Грязный, холодный пол больно впился в чашечки даже сквозь плотную ткань джинсов. Где-то рядом валялся окурок. Воняло сыростью и чем-то кислым. Открыв глаза, оставалось лишь снизу-вверх смотреть на фигуру в маске — огромную, нависающую, словно скала.

— А теперь, — голос дьявола звучал мягко, почти ласково, и от этой интонации становилось ещё страшнее, — приоткрой свои розовые губки и прикоснись ими к моей бите.

Взгляд упёрся в окровавленное железное оружие.

— Ну же, давай, — поторопил он. — Покажи мне шоу. Иначе я обещаю — ему пиздец.

Бред всхлипнул где-то сбоку — коротко, жалобно.

Это стало точкой невозврата. Пришлось податься вперёд, чувствуя, как холодный металл приближается к лицу. Запах плоти ударил в нос — резкий, тошнотворный, металлический. Губы коснулись ржавой поверхности. Холод. Железо. Чужая кровь.

На одно бесконечное мгновение я прижалась ртом к этому оружию насилия. Внутри все сжалось от омерзения, к горлу мгновенно подступил рвотный позыв. Я резко дёрнулась назад, зажимая лицо рукой и тяжело дыша.

— Хорошая девочка, — раздалось сверху.

Голос звучал удовлетворённо, будто произошло нечто, доставившее ему наслаждение.

Я быстро поднялась на ноги. Колени дрожали, по ногам будто током било.

— А теперь уходи, светлячок, — сказал он, поигрывая битой.

— А как же Брэд? — выкрикнула я. — Отпусти его!

— Ты выполнила свою часть уговора, — монстр склонил голову набок. — А я выполню свою. Уходи.

— Я не могу оставить его здесь! — Голос сорвался на визг. — Вдруг ты сейчас его убьёшь!

— Я же сказал, — он сделал шаг вперёд, заставив попятиться. — Я. Выполню. Свою. Часть.

Каждое слово чеканилось отдельно, чётко, с нажимом.

— В подтверждение, — добавил он уже спокойнее, — ты получишь фото этого красавчика из больницы. — Психопат усмехнулся под тканью. Я была уверена, что он расплылся в улыбке, — А теперь вали, пока не передумал.

Он рывкнул так сильно, что пришлось отступить назад, не в силах сопротивляться этому напору.

— Лети, светлячок!

Я развернулась.

И побежала.

Я бежала так быстро, как не приходилось ещё никогда в жизни. Ноги несли сами, земля под ними почти не чувствовалась. Выскочив из заброшенного здания, пришлось нестись через пустырь, не замечая хлещущих по лицу веток. В ушах свистел ветер, а лёгкие горели огнём.

В голове набатом стучала одна мысль: скорее, быстрее, подальше от этого места, от этого монстра. Я бежала, пока не выдохлась окончательно.

Остановилась только у первых фонарей, заметив признаки цивилизации — круглосуточный магазин при заправке. Я согнулась на пополам, упёршись руками в колени, чтобы хоть как-то восстановить дыхание.

В горле першило. Глаза щипало то ли от ветра, то ли от слёз.

Блять. Блять. Блять. Блять.

Во что я нахрен ввязалась?

Я выпрямилась и обернулась назад, в темноту. Там не было ничего, кроме пустыря и чёрного силуэта леса, где скрывалось жуткое здание с ублюдком в маске.

Кто он такой? Откуда ему известно про меня? Про поцелуй? И про то, что он был первым? Тело била крупная дрожь — то ли от ночной прохлады, то ли от пережитого шока, то ли от всего сразу.

Внезапная вибрация в кармане заставила вздрогнуть. Мобильный едва не выскочил из рук. На экране светилось новое СМС с того же номера. Фотография.

После открытия вложения пальцы окончательно ослабли.

На снимке был запечатлён Брэд.

Парень сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Весь в крови, избитый, но живой. Рядом виднелась дверь с табличкой «Приёмное отделение».

Жив. Он жив.

Тяжёлый выдох сорвался с губ. Прижав телефон к груди, я сползла по стене заправки прямо на асфальт. А в следующую секунду меня вырвало. Прямо там, у входа, под тусклым светом фонаря.

Арт к главе:

Глава 14

Дорога до общежития стёрлась из памяти.

Ноги несли сами, на автомате: левая, правая, левая, правая. Словно зомби. Как тот самый персонаж из «Ходячих мертвецов» — только без грима и с душой, которая только что окончательно и бесповоротно сдохла.

Вахтерша на входе что-то крикнула мне вслед, но разобрать слова не получилось. Я просто кивнула и прошла мимо. Лестница. Три пролёта. Дверь. Комната.

Пустая. Тёмная. Тишина.

Только постель Стеф сиротливо белела в углу, напоминая, что я за человек. О том, что произошло с её парнем, пока та сидит у постели больной бабушки.

К горлу снова подступила тошнота.

Я еле успела добежать до раковины. Желудок сжался в спазме, но выдавить из себя было уже нечего — только горькую, жгучую желчь.

Взгляд поднялся к зеркалу.

Бледная. Глаза красные, безумные. Губы... Господи, губы.

Я смотрела на них и видела только одно — эту чёртову биту. Ржавую. Холодную. В крови. Которую я **целовала**.

Тело затрясло. Схватив щётку и выдавив гору пасты, я начала тереть эмаль, язык, всё, до чего получалось дотянуться.

Это продолжалось до тех пор, пока во рту не стало горько от мятной химии, а десны не начали саднить.

Хотелось буквально залезть внутрь с мочалкой.

Фу.

Господи, просто **фу**.

Сплюнув кровавую пену в раковину и ополоснув лицо холодной водой, я снова посмотрела в зеркало.

— Ты в порядке, — прошептала я своему отражению. — Ты в порядке. Это просто сон. Этого не было.

Но это вранье. Запах того заброшенного здания стоял в ноздрях: сырость, плесень, ржавчина. И его запах. Тот самый, от которого едва я не задохнулась, пока стояла перед ним на коленях.

Я закрыла глаза и трянула головой.

Так. Стоп. Сия. Дыши.

Нельзя позволить себе впасть в ступор. Просто нельзя. Я выбралась из этого дерьма, я жива, я здесь.

Обратно проваливаться ни за что нельзя.

Это состояние было мне хорошо знакомо. Оно накатывает, когда всего становится чересчур много. Психика просто щелкает и заявляет: «Всё, я ухожу, разбирайся сама». И человек выпадает из реальности — на минуту, на час, на вечность.

В детстве это жутко бесило Джуди. Она утверждала, что я ненормальная, специально её бешу, когда «втыкаю в стену и не реагирую». А Джон просто ржал, обзывая «тупой куклой».

А я просто... уходила. Внутри себя. Туда, где не существовало Джона, Джуди, школы и вообще ничего — только тишина и пустота.

Сейчас это оцепенение начало подкрадываться вновь. Ощущалось, как сознание плывёт, реальность становится ватной, а звуки отдаляются, словно через толщу воды.

— Нет! — вслух приказала я себе и со всей силы вlepила пощёчину.

Голова мотнулась, щеку обожгло огнём. Хорошо. Больно. Значит, я здесь.

— Сия, — произнесла я своему отражению, вцепившись пальцами в раковину, — пожалуйста. Не надо. Ты справишься. Ты всегда справлялась. Ты переживёшь любое дерьмо.

Взгляд вцепился в побелевшие костяшки, а губы шептали, как мантру:

«Ты справишься. Ты справишься. Ты справишься».

Вопрос оставался лишь в одном — как?

Что делать с этим? С тем, что какой-то психопат теперь в курсе где я живу, моего имени и называет меня «Светлячком»?

Что он избил Брэда до полусмерти, заставил целовать окровавленное оружие, а потом прислал фотоотчёт из больницы?

Что я сделала это ради парня, которого даже не хотела целовать?

Что предала Стеф?

Ответ был один. Тот же, что и всегда.

Жить. Как ни в чем не бывало.

Дышать. Ходить на лекции. Улыбаться, когда требуется. Не показывать, что внутри все сгнило. Это я умею. Я делала так всю жизнь.

Я выпрямилась, ополоснула лицо холодной водой и вернулась в комнату.

В этот момент пришло оповещение.

Я подскочила на месте, едва не выронив телефон из рук. Сердце ухнуло в пятки. Опять? Снова? Что ему ещё надо?

Однако это было сообщение не от того уroda.

Это была Стеф.

«Детка, привет! С бабулей все в порядке, состояние стабилизировалось, врачи говорят, кризис миновал. Завтра вернусь, соскучилась жутко! Ты как там?»

Я смотрела на экран, но перед глазами плыло. Она приедет завтра. Моя лучшая подруга. Которая твердила мне о том, что я сильная и настоящая. Которая до сих пор не знает, что я целовалась с её парнем. И о том, что мне пришлось стоять на коленях перед каким-то психом, пока того самого парня избивали. Если бы ржавый металл не коснулся моих губ, Брэд мог бы умереть. И я не понимаю как смотреть теперь Стеф в глаза.

Возможно, это последнее смс, которое она пишет мне. Потому что, стоит правде выплыть наружу — а она выплывет, ведь Мэнди наверняка разнесла сплетни по всему этажу, дружбе придёт конец.

Я не знаю, как ей это рассказать.

Но, наверное, будет правильно, если Стеф услышит это от меня. Не от Мэнди, не от кого-то ещё, не в пересказах перевернутых до неузнаваемости.

А от меня лично. Лицом к лицу.

Я зажмурилась и набрала ответ:

«Стеф, я так рада за твою бабулю! Выдыхай. Отдыхай там, не парься. У меня все норм. Завтра увидимся».

После отправки захотелось с разбить телефон о стену. Ложь. Очередная ложь лучшей подруге.

Боже, какая же я тварь.

Я отправилась в душ. Горячая вода обжигала кожу, но я стояла под ней, пока пар не заполнил всю кабинку, а пальцы не сморщились, как у утопленника. Мочалка остервенело тёрла тело — будто это могло помочь смыть не только грязь, но и память.

Запах. Прикосновения. Всё.

Заматавшись в полотенце, я рухнула на кровать и уставилась в потолок.

Необходимо выспаться. Завтра будет новый день. Завтра придётся смотреть в глаза Стеф. Завтра, возможно, рухнет все, что у меня осталось.

Но сегодня...

Телефон снова замигал. Я замерла, сердце пропустило удар. На экране светился неизвестный номер. Новое СМС:

«Если не хочешь проблем, просто следуй своим планам на завтра. Сладких снов, Светлячок :».*

Я смотрела на экран, а внутри всё леденело.

Он знает. Конечно, он знает. Он знает про Стеф, про выставку, про мои планы. Он знает абсолютно всё.

Светлячок. Это прозвище теперь будет преследовать меня повсюду: в каждом шорохе, в каждой тени, в каждом ночном кошмаре.

Я не ответила. Просто отложила телефон, накрылась одеялом с головой и сжалась в комок.

Спать. Надо спать.

Но я знала, что не усну. Что буду лежать и слушать, как скрипит пол в коридоре, как шумит ветер за окном, как стучит моё собственное сердце — слишком громко, слишком быстро, слишком испуганно.

«Сладких снов».

Какие к черту сладкие сны, когда ты даже не знаешь, проснёшься ли завтра? Я плотно сомкнула веки и приказала себе дышать.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Я справлюсь. Всегда справлялась.

Глава 15

Утром я проснулась счастливой.

Целых три секунды.

Три коротких мгновения, пока мозг не включился полностью, а сознание ещё плавало где-то между сном и реальностью, тело просто окутывало приятное тепло. Солнце светило в окно. Где-то за стеной шумела вода. Обычное утро обычного человека.

А потом накрыло.

Тревога рухнула на грудь бетонной плитой. Живот свело так, будто мною был выпит стакан уксуса. Воспоминания — яркие, цветные, тошнотворные — ворвались в голову и устроились там, как дома.

Запах сырости. Металлический привкус крови на губах. Холод оружия. Низкий голос: «На коленки». И СМС. Та самая, последняя, перед сном:

«Сладких снов, Светлячок :».*

Подскочив на постели я схватила за голову.

Дыши. Просто дыши.

Сегодня предстоит длинный день. Очень длинный. И в нём есть две вещи, которые необходимо сделать.

Первая — выставка. Древние камни, артефакты, мисс Хопер и, судя по всему, толпа народа. Туда я хотя бы морально готовилась. С нарядом определился ещё вчера: чёрная блузка, длинная юбка, никаких джинсов. Надо выглядеть прилично, не выделяться и оставаться незаметной.

Вторая — Стеф.

Подруга вернётся вечером. Я должна буду посмотреть ей в глаза и рассказать всё. Про Брэда. Про поцелуй. Про то, на что пришлось пойти ради его спасения. И про полное непонимание, как теперь жить с этим грузом.

Я не готова. Совсем. Но выбора нет.

Если она узнает от Мэнди или от кого-то ещё — станет в сто раз хуже. Нужно сделать это самой. Обязательно.

И ещё Брэд. Что с ним?

Разум метался в сомнениях: писать ему или нет. Хочет ли он вообще меня видеть после случившегося? Жив ли? Хотя снимок из больницы давал надежду.

Чёрт. Слишком много неизвестных. Слишком.

Я заставила себя встать, умыться, натянуть приготовленные вещи. В зеркало старалась не смотреть — пугал риск увидеть ту самую Сию, которая стояла вчера на коленях. Лучше верить, что прежней меня больше нет, а есть просто студентка, которой нужно идти на занятия.

В университет я влетела за пять минут до первой пары.

Преподавателям плевать на чужие проблемы. Если завалить сессию — последует отчисление. А куда идти в таком случае? На улицу?

Нет уж. Придётся делать вид, будто всё в порядке, даже если внутри все выжжено дотла.

Первая лекция — источниковедение. Конспектировать пришлось как заведённой, даже не вникая в смысл написанного. Главное — двигать рукой, смотреть на доску и кивать, когда преподаватель задаёт вопросы. Я справлялась.

Вторая пара — история Англии. И вот тут едва не произошло непоправимое.

Мы проходили период Тюдоров. Что-то про Анну Болейн, про казнь и ожидание смерти в Тауэре. Взгляд замер в одной точке: мысли упрямо возвращались не в Англию шестнадцатого века, а в то заброшенное здание.

Я на колени. Перед ним.

В горле запершило, глаза защипало. Я представила, как он поднимает биту, как замахивается, как...

— Мисс Флоренс, вам плохо?

Голос преподавателя выдернул из вязкой трясины.

Я моргнула. В аудитории было тихо, все смотрели на меня.

— Всё в порядке, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто задумалась.

Профессор кивнул и продолжил рассказ. Тяжёлый выдох сорвался с губ, пальцы вцепились в ручку так, что костяшки побелели.

Держаться. Надо держаться.

В перерыве между парами пришла смс от Стеф.

«Сия, прости, не успеваю на выставку, там эти дурацкие поезда, всё сдвинулось. Буду ближе к вечеру, в общаге встретимся. Ты как?»

Я набрала ответ:

«Всё норм. Не парься. Увидимся вечером».

Все нормально. Смешно. Ничего не нормально, но подруге незачем знать раньше времени.

После занятий всех построили и повели к автобусу.

Мисс Хопер пересчитывала студентов по головам, точно курица цыплят. Народу набралось прилично — почти весь курс и несколько человек с параллельного потока. Окружающие выглядели оживлёнными, галдящими, радостными. Для них это было приключение. Для меня — ещё одно испытание.

Я залезла в салон. Единственным желанием оставалось занять место у окна, воткнуть наушники и проехать весь путь в молчании. Чтобы никто не трогал, ничего не спрашивал, не лез в душу.

Но судьба продолжала надо мной издеваться.

— Сия! Сия, свободно?

Взгляд поднялся выше, и я чуть не застонала в голос.

Вилли.

Наш местный уникум. Парень с истфака, который, кажется, родился прямо в аудитории и никогда оттуда не выходил. Сальные волосы, свитер с пятнами неизвестного происхождения, вечный запах... скажем так, стойкого нежелания пользоваться дезодорантом. И тоненькие редкие усики над губой, которые он, видимо, считал признаком мужественности.

А самое главное — существовало негласное правило: никогда, ни при каких обстоятельствах не вступать с Вилли в спор о причинах Холодной войны. Потому что это навсегда. Из-за феноменальной эрудиции он готов был вещать без остановки до второго пришествия.

— Свободно, — выдавила я, поскольку он уже плюхнулся на соседнее сиденье.

Вилли блаженно улыбнулся и уставился на меня с таким видом, будто мы сейчас будем обсуждать что-то невероятно важное.

Я надела наушники.

Но не помогло.

— А ты слышала новую теорию о происхождении скифов? — спросил Вилли, перекрывая музыку.

Пришлось сделать вид, будто ничего не слышно. Вилли не обиделся и просто продолжил свой рассказ.

Дорога до музея была долгой.

Очень долгой. Слушая Лану Дель Рей в наушниках, краем уха удавалось ловить бубнёж про курганы, захоронения и керамику. Подобный монолог даже почти успокаивал. Вилли — как белый шум. Его можно не слушать, но он создавал иллюзию, что ты не одна.

А оставаться наедине со своими мыслями сейчас совершенно не хотелось, ведь в одиночестве мысли возвращались к нему.

Автобус наконец затормозил у места назначения.

Студенты высыпали на улицу, и я с наслаждением вдохнула свежий воздух. Парень продолжал что-то вещать про бронзовый век, но его слова уже пролетали мимо. Взгляд замер на самом здании — старом, красивом, украшенном колоннами и высокими окнами. Выставка обещала быть интересной.

У входа нас уже ждал гид.

Высокий мужчина в строгом костюме, с идеальной осанкой и такой холёной внешностью, что сразу становилось ясно: он не из нашей реальности. Из тех, для кого музей — работа, а не развлечение.

— Добрый день, студенты, — произнёс он бархатным голосом. — Меня зовут Ричард Хейс, я буду вашим гидом сегодня. Прошу следовать за мной.

Мы потянулись внутрь.

Стоило сделать шаг в прохладный полумрак музея, и вдруг я почувствовала как по спине пробежали мурашки. Не от холода. От ощущения, что за мной следят.

Я оглянулась.

Никого. Только студенты, Вилли, мисс Хопер, пересчитывающая группу, и массивная дверь, за которой осталась улица.

Глава 16

Экскурсия началась с вводной истории про артефакт времён неолита.

Гид рассказывал о том, как древние люди выбирали валуны для своих святилищ. О том, что некоторые из них весили тонны и перетаскивались за сотни километров без всякой техники. О том, что учёные до сих пор спорят, ради чего совершались подобные усилия.

— Возможно, они верили, что камни хранят память, — говорил Хейс, обводя группу внимательным взглядом. — Что в них заключена душа предков. Что, прикасаясь к монолиту, человек прикасается к вечности.

Это правда было интересно. Очень. В нормальном состоянии я бы впитывала каждое слово, записывала, задавала вопросы. Но внутреннее я была далеко от нормы.

Я была напугана, чёрт возьми.

Каждый шорох за спиной заставлял вздрагивать. Каждый тёмный угол казался ловушкой. Я ловила себя на том, что оглядываюсь через каждые пять секунд, выискивая в толпе того, кого боялась увидеть больше всего.

Его здесь нет. Не может быть. Откуда парню знать про выставку? Или он в курсе? Хотя, он же написал: *«следуй своим планам»*.

Значит, знал. Знал и отпустил. Но почему тогда мне так страшно?

Хейс тем временем продолжал лекцию. Кто-то из студентов задавал вопросы, и лектор отвечал мгновенно, с лёгкостью профессионала, выучившего тему назубок. Вилли, конечно, отжигал: спросил про методы датировки и получил развёрнутое объяснение минут на пять. Оставалось лишь позавидовать чужой способности отключаться от реальности и погружаться в науку.

А потом я увидела ЕГО.

Кастил Блэк стоял у входа в зал, словно чёртова статуя Командора.

На нём был костюм. Дорогущий. Я не совсем в этом разбираюсь, но статустность вещи угадывалась за километр: по тому, как сидит ткань, по блеску запонок и идеально начищенным туфлям. Блэк выглядел так, будто сошёл с обложки делового журнала, а не явился на рядовое студенческое мероприятие.

Сердце пропустило удар.

Что он здесь делает?

Мисс Хопер заметила гостя первой. Заместитель декана отделилась от группы и подошла к нему с той самой вежливой улыбкой, которой преподаватели обычно одаривают спонсоров. Расстояние позволяло отчётливо слышать разговор.

— Мистер Блэк, — начала женщина, — а где же ваш отец? Он обещал почтить присутствием экспозицию, которую спонсировал.

Кастил посмотрел на неё сверху вниз. Буквально. Он возвышался над преподавательницей, напоминая скалу, с которой в книгах обычно сравнивают всяких опасных типов.

— Отец не смог прийти, — ответил парень. Голос звучал спокойно, ровно, без единой эмоции. — Прислал меня.

Мисс Хопер закивала, явно пытаясь сохранить лицо.

— Что ж, мы очень рады видеть вас, мистер Блэк. Передайте вашему отцу нашу благодарность за...

— А разве моего присутствия недостаточно? — перебил он.

Внутри всё похолодело. Тон, которым это было сказано... Он не спрашивал. Он ставил на место, давая понять, что сам вопрос звучит как оскорбление.

Мисс Хопер замерла. На секунду показалось, будто женщина сейчас провалится сквозь землю. Улыбка стала натянутой, спина напряглась. В это мгновение строгая преподавательница вдруг превратилась в провинившуюся студентку, которую отчитывает ректор.

— Я вовсе не хотела сказать, что ваше присутствие... — начала она.

— Я понял, что вы хотели сказать, — снова перебил Кастил. Всё тем же ровным тоном. — Можете возвращаться к группе.

Мисс Хопер кивнула, пробормотала что-то невнятное про благодарность и поспешно ретировалась. Она буквально сбежала от него.

Я смотрела на это и не верила своим глазам.

Что же за зверь этот Кастил? Почему от него исходит настолько опасная аура, что даже несгибаемая мисс Хопер пасует перед ним? Он не сделал ничего особенного, просто обронил пару фраз. Но в них было столько скрытой угрозы и уверенности в собственной безнаказанности, что становилось не по себе.

Я отвернулась и постаралась выкинуть парня из головы.

Не получилось.

Впрочем, моё внимание вовремя привлекла инсталляция в дальнем углу зала. Огромные мегалиты — не те маленькие экспонаты под стеклом, а настоящие глыбы, собранные в композицию. Древний мир. Я подошла ближе, отстав от однокурсников буквально на несколько шагов, чтобы рассмотреть гравировку на ближайшем валуне. Хейс как раз переключился на другую тему, но упущенный кусок лекции можно было нагнать позже.

Камни были огромными. Я стояла перед ними и чувствовала какую силу, которую несли в себе эти великаны. Они безмолвно высились здесь тысячи лет, пока люди рождались и умирали, пока строились и рушились империи, пока менялся мир.

Молчаливые стражи времени.

Рука сама собой потянулась к шероховатой поверхности, пальцы почти коснулись её.

— Ты находишь их красивыми?

Голос раздался за моей спиной так внезапно, что я подскочила на месте.

Низкий, уверенный — тот самый, который минуту назад размазывал мисс Хопер по стенке.

Я обернулась.

Кастил Блэк стоял в двух шагах от меня. Слишком близко. В этом дурацком костюме, с этим дурацким лицом, от которого, наверное, теряют голову все девчонки университета.

Сердце заколотилось где-то в горле.

— Что? — выдавила я из себя.

— Камни, — Кастил кивнул на инсталляцию. — Что в них такого?

Он спрашивал это так, будто ему правда было интересно. Будто мы были старыми знакомыми, а не людьми, которые однажды случайно столкнулись в столовой.

Я слотнула. Надо ответить вежливо, коротко — и сбежать.

— Да, я считаю эти камни прекрасны, — голос прозвучал тише, чем хотелось бы. — Потому что они существовали почти всегда. Это... воплощение вечности.

Кастил перевёл взгляд на монолиты, затем снова на меня. Синие, холодные, немигающие глаза скользнули по моему лицу, задержались на губах и вновь встретились с моими.

— Вечность, — повторил он. В его исполнении слово прозвучало иначе, будто парень пробовал его на вкус, смаковал. — Интересный выбор.

Мне стало неудобно. Очень. Под этим взглядом хотелось не просто уйти — возникло желание раствориться в воздухе, исчезнуть, обратиться в один из безмолвных валунов.

Я сделала шаг назад.

— Забыл извиниться, — вдруг произнёс Блэк.

И тут я потеряла дар речи..

— За твою футболку. В столовой. Не удалось её спасти?

Я моргнула, переваривая информацию. Он помнит? Он вообще заметил тогда, что натворил?

— К сожалению, испорченная вещь была не главной из проблем того дня, — ответила я.

Слова сорвались сами собой. Ничего подобного я не планировала, но горечь от всего случившегося позже — потери стипендии, драки с Приянкой — просочилась в голос.

Кастил склонил голову набок. От этого жеста стало ещё неуютнее. Слишком похоже на того, в маске.

— Так что просто забудь, — добавила я поспешно и сделала ещё один шаг назад. — Мне пора. Группа ушла.

— Позволь поинтересоваться, — парень сократил дистанцию. Всего на полшага, но расстояние между нами стало пугающе маленьким. — Что ещё хуже могло с тобой произойти тогда?

Я смотрела на него снизу-вверх, ощущая, как внутри всё сжимается. Он слишком близко. От него пахло дорогим парфюмом с древесными нотками. И этот взгляд... тяжёлый, давящий.

— Думаю, таким, как ты, нет дела до бед таких, как я, — отчеканила без запинки.

Развернувшись, я ринулась прочь.

Быстро, почти бегом, без оглядки.

Я слышала свои шаги по каменному полу, слышала, как стучит сердце, слышала голос гида где-то впереди. Но за спиной было тихо. Он не пошёл следом.

Или шаги попросту утонули в общем гуле.

Я догнала группу у следующего стенда, втиснулась между какими-то ребятами и попыталась отдышаться.

Вилли что-то спросил, но я не расслышала. Перед глазами всё ещё стоял этот синий, пронизывающий взор.

Что это было? Почему он вообще со мной заговорил? Ему правда есть дело до какой-то там футболки? Или он просто издевается?

И самое жуткое — почему под его прицелом казалось, будто Блэк видит меня насквозь?

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали.

— Сия, ты чего? — Вилли коснулся плеча.

Я резко одёрнула руку. — Всё нормально. Просто... задумалась.

Вилли посмотрел с подозрением, но расспросы прекратил. Слава богу.

Экскурсия продолжалась. Хейс рассказывал про бронзовый век, ритуалы и жертвоприношения. Я машинально кивала, имитируя интерес, но мысли витали далеко.

Кастил Блэк бродил где-то по этим же залам. И я понятия не имею, зачем.

Но одно я знала точно: этот разговор не был случайностью.

И мне очень, очень не нравилось то, как он на меня смотрел.

Арт к главе:

Глава 17

После экскурсии автобус вёз группу обратно. Я зашла в салон и, не раздумывая, плюхнулась на сиденье рядом с Сэнди. Рыжая девчонка с нашего курса, которая всегда сидела в углу и молчала. Она была из тех, кого не замечают, пока не вступишь с ней в контакт. А начав общение, понимаешь: скрытность — её осознанный выбор.

Я её прекрасно понимала.

Сэнди мельком глянула на меня, кивнула и уткнулась в смартфон. Идеально. Никаких разговоров, расспросов и бубнежа про скифов и Холодную войну.

Вилли прошёл мимо, обиженно зыркнул и подсел к кому-то другому. Я облегчённо выдохнула.

На протяжении всего пути взгляд был прикован к окну, я пыталась не думать о Кастиле. О его глазах. О его голосе. О том, как он смотрел на меня, будто я была какой-то загадкой, которую он решил разгадать.

Не думать не получалось.

Но ещё сильнее мысли занимала Стеф. Она уже в общежитии. Ждёт меня. А я должна буду посмотреть ей в глаза и во всем признаться: про поцелуй, Брэда и цену, которую пришлось заплатить ради его спасения. Понимание, как жить дальше с подобным грузом, полностью отсутствовало.

Сердце предательски колотилось.

Автобус затормозил у университета быстрее, чем я ожидала. Я выскочила первой, даже не попрощавшись с Сэнди, и бросилась к общежитию. Ноги несли сами. Лестница, коридор, дверь.

Я вошла и растерялась от увиденного.

Стеф сидела на кровати, поджав колени и уткнувшись в них лицом. Она не плакала — просто неподвижно смотрела в одну точку. Грустная. Опушоённая.

Господи. Она уже знает?

Внутри всё оборвалось.

— Привет, Стеф, — тихо произнесла я, пытаюсь прощупать почву.

Она подняла на меня глаза. Красные, припухшие. Но смотрела Стеф не с гневом — с болью.

— Сия... — выдохнула подруга.

Нахлынувшее чувство вины оказалось настолько сильным, что захотелось провалиться сквозь пол.

— Что случилось? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Стеф глубоко, прерывисто вздохнула:

— Брэд прислал сообщение. Написал, что между нами всё кончено.

Я оцепенела.

— Бросил по смс, — продолжила подруга, и в голосе её появилась та самая горечь, которая уже возникала после истории с Сосун горой. — Как же это стрёмно, Сия. Просто... написал и всё. Даже не позвонил. Даже не объяснил ничего.

Она встала с кровати и подошла ближе. Объятия вышли крепкими: Стеф прижалась так, будто я была её единственной опорой в этом мире.

— Я просто не понимаю, — шептала она мне в плечо. — Что я сделала не так? Мы же так классно общались...

Я стояла, как статуя. Ладони висели вдоль тела. Я не могла обнять её в ответ. Потому что знала, что сейчас скажу. И после следующих слов Стеф, возможно, больше никогда не захочет прикасаться ко мне.

Она не в курсе. От сердца немного отлегло, но лишь на секунду. Может, промолчать? Подождать, пока она оклемается? Может, я просто сделаю хуже, если вывалю на неё всё это сейчас?

Нет.

Чёрт, нет. Так не пойдёт.

В книгах и кино подобные сюжеты встречались сотни раз: герой решает скрыть правду, чтобы «не ранить», а потом тайное становится явным в самый неподходящий момент. И гнева тогда втрое больше, а доверие опускается до нуля.

Я не могу потерять её. Не могу.

Если не признаться сейчас, я потеряю подругу наверняка. Когда она узнает от кого-то другого.

— Стеф, — пришлось мягко отстраниться. — Присядь.

Девушка посмотрела с недоумением, но послушалась: опустилась на матрас и уставилась вопросительно.

Я глубоко вдохнула.

— Я знаю, почему Брэд тебя бросил.

Стеф моргнула.

— Что? Откуда?

— Потому что... — я замялась, подбирая слова. — Потому что я знаю, что случилось. И мне нужно тебе рассказать. Всё.

Я села напротив неё. Дрожащие пальцы сжались в кулаки.

— Вчера, когда тебе пришлось уехать к бабушке, ты попросила Брэда проводить меня...

Стеф медленно кивнула, уже начиная что-то подозревать.

— Я пыталась отказаться, но он всё же настоял. Сказал, что хочет убедиться, что всё порядке. Что переживает. Я подумала — это нормально, парень моей подруги, просто заботливый. И мы пошли, но потом... он начал говорить странные вещи. Что я красивая. Что я не такая, как всё.

Стеф слушала молча, лицо каменело с каждым предложением.

— Я списала это на его характер, банальное дружелюбие. А потом... когда я была в комнате одна. Слушала музыку, гладила вещи. И он снова пришёл.

— Вернулся? Сюда? — голос Стеф дрогнул.

— Да. Сказал, что ты оставила ему ключ на всякий случай.

Соседка кивнула, но в глазах появилось страшное выражение. Не гнев — осознание.

— И что произошло дальше? — тихо спросила она.

Я зажмурилась.

— Он подошёл вплотную. Твердил, что не может выкинуть меня из головы, что эта близость пленяет. А потом...

Произнести это было невыносимо сложно.

— Что? — почти шёпотом поторопила Стеф.

— Он поцеловал меня.

Тишина.

Такая неловкая, что можно было задохнуться.

Я открыла глаза и посмотрела на Стеф. Она сидела белая, как мел, а её губы дрожали.

— Я не хотела, — выпалила я. — Клянусь тебе, Стеф, я не хотела. Я растерялась! Это длилось секунду, может, две. А потом я оттолкнула его и выгнала. Но в коридоре оказалась Мэнди — она всё видела.

Стеф молчала. Долго, невыносимо долго. А потом подруга вдруг закрыла лицо ладонями и разрыдалась вперемешку с нервным, истеричным смехом.

— Дурак, — бросила она, не открывая глаз. — Какой же он дурак.

Я не понимала, что происходит.

— Стеф? Ты... ты как?

Подруга отняла ладони от лица. Глаза её были красными, но в них не было ненависти. Была боль. И усталость.

— Сия, — тихо произнесла она. — Думаешь, я не знала? Думаешь, я не видела, как он на тебя смотрел?

Меня охватила паника.

— Он постоянно расспрашивал о тебе: какая ты, что любишь, чем увлекаешься. Я думала, ну интересуется подругой своей девушки... Теперь я понимаю, что это значило.

Она посмотрела прямо мне в глаза.

— Ты тут ни при чём, Сия. Это он козёл. Это он всё испортил.

Я не верила своим ушам.

— Ты... не злишься на меня?

— Злюсь, — честно призналась Стеф. — Но не на тебя, а на него. И на себя — за то, что сразу не догадалась. А ты... ты моя подруга. И если бы ты хотела его увести парня, не сидела бы сейчас здесь, содрогаясь от страха.

Она встала и подошла ко мне, протягивая руки.

— Иди сюда.

Мы крепко обнялись. По-настоящему. Крепко. Так, как обнимаются люди, которые только что прошли через что-то страшное и выжили.

— Спасибо за честность, — прошептала Стеф мне в плечо. — Это... это дорогого стоит.

Я кивнула, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

— Я боялась, что ты возненавидишь меня.

— Глупая, — она погладила меня по голове. — Ты ведь моя семья. Почти. А близких не бросают из-за таких придурков.

Мы застыли посреди комнаты, и впервые за последние дни я почувствовала, что могу дышать.

Я не потеряла её.

Пока не потеряла.

Впереди маячило куда более страшный разговор — о событиях, развернувшихся сразу после поцелуя. О заброшенном доме. О парне в маске.

Я не могла предугадать, как Стеф это примет.

Но сегодня, хотя бы сегодня я могла выдохнуть.

Арт к главе:

Глава 18

После того разговора прошла неделя.

Неделя, которая тянулась бесконечно долго и одновременно пролетела, как один тоскливый, серый день. Я ходила на пары. Стеф ходила на пары. Мы завтракали вместе, ужинали вместе, смотрели какие-то дурацкие сериалы по ночам и делали вид, что всё нормально.

Она держалась молодцом. Брэда больше не упоминала. Ни разу. Когда я осторожно спросила, не хочет ли она поговорить о нём, она просто покачала головой и сказала: «С глаз долой — из сердца вон. Забей».

Я забила.

В смысле, сделала вид.

Потому что я-то знала то, чего не знала она. Что Бред не просто козёл, бросивший по смс. Что он в больнице. Что его избили так, что я сомневаюсь, что он в принципе сможет вернуться к учебе, не говоря уже о футболе. Что тот ублюдок в маске мог его вообще убить, если бы не я.

Я не рассказывала ей. Не могла. Не сейчас, когда она только начала приходить в себя.

Но мысль о Бреде не отпускала.

Кто его навещает? Есть ли у него вообще друзья, которым не плевать? Родители знают? Он вообще жив? Выбрался из больницы?

Ответов не было. А спрашивать было не у кого.

И ещё — тишина.

Целую неделю — ни одного сообщения с неизвестного номера. Никаких «Светлячков», никаких угроз, никаких намёков на то, что он всё ещё где-то рядом.

Я почти поверила, что всё кончилось. Что ему надоело. Что он нашёл себе другую игрушку.

Почти.

Но по ночам я всё равно вздрагивала от каждого шороха. Всматривалась в тени за окном. Просыпалась в холодном поту, когда во сне снова видела эту чёртову маску.

Сегодня я решила.

Надо навестить Брэда.

Я не знала, зачем. Может, чтобы убедиться, что он жив. Может, чтобы спросить, зачем он бросил Стеф. Может, чтобы просто посмотреть ему в глаза.

После пар я забежала в общагу, быстро перекусила бутербродом и натянула джинсы с толстовкой. Удобно. Незаметно. То, что надо.

Стеф сидела на кровати, наматывая наушники на телефон.

— Я пройду, — сказала я как можно беззаботнее. — Погуляю немного. Хочу музыку послушать.

Она кивнула, не поднимая глаз.

Отлично. Даже врать не пришлось. Я действительно хотела пройтись. Просто не сказала куда.

Больница находилась на окраине города. Минут двадцать пешком от общаги. Я шла быстро, почти бежала, и чем ближе подходила, тем сильнее сжималось внутри что-то нехорошее.

Предчувствие.

Тупое, тягучее, липкое.

Но я отмахивалась. Просто нервы. Просто паранойя. Просто я перечитала слишком много триллеров и теперь везде вижу опасность.

Больница встретила меня запахом лекарств и тишиной.

Обычная городская больница. Белые стены, зелёные двери, очередь в регистратуру. Я подошла к окошку, за которым сидела полноватая женщина в очках и смотрела в монитор с таким видом, будто он её лично обидел.

— Добрый день, — начала я. — Я к Брэду...

И запнулась.

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Фамилия. Я не знаю его фамилию. Как я вообще могла не подумать об этом заранее? Дура. Бестолковая, безголовая дура.

Медсестра подняла на меня глаза. Взгляд стал вопросительным, потом подозрительным.

— К кому именно? — Уточнила она.

— Я... — я лихорадочно соображала. — Я к своему другу. Он неделю назад попал к вам. После избиения...

Я замолчала, понимая, как это звучит.

Медсестра смотрела на меня ещё пару секунд, а потом её лицо неуловимо изменилось.

— Ах да, — сказала она. — Брэндон Гроул. Вы его имели в виду?

Я закивала, делая вид, что да, конечно, его. Брэд. Брэндон. Точно.

— Он пробыл у нас день, — продолжила медсестра, и в её голосе появилась та самая настороженность. — А потом его забрали родители.

Я выдохнула. Жив. Его забрали, значит, жив. Уже хорошо.

— А... вы не знаете, как его найти? — Спросила я. — Ну, может, адрес или...

— Девушка, — перебила медсестра, и я поняла, что мне конец. — Вы не похожи на подругу, если не знаете, что он уже не в больнице.

Я покраснела.

— Я из одного университета, — быстро нашлась я. — Мы не близки, но я хотела его навестить. Просто...

— Просто идите, — отрезала медсестра и снова уткнулась в монитор. — Без фамилии и без согласия пациента я ничего не сообщаю.

Я попятилась, поблагодарила и вылетела из больницы быстрее, чем вбежала.

На улице было уже темно. Фонари горели тускло, ветер гонял по асфальту сухие листья. Я остановилась у входа и попыталась отдышаться.

Так. Брэд жив. Его забрали родители. Он дома. Всё хорошо.

Но почему он бросил Стеф? Просто испугался? Решил, что после такого не сможет с ней быть? Или тот ублюдок в маске приказал ему?

Мне нужно с ним поговорить. Надо найти способ.

Я достала телефон, чтобы написать Стеф, что скоро буду, но экран вспыхнул сам. СМС.

Неизвестный номер.

У меня внутри всё оборвалось.

Я открыла сообщение.

«Привет, Светлячок. Прости, что дал тебе подумать, будто я исчез. Были дела. Но не волнуйся, я всё равно за тобой приглядываю. И мне не нравится, что ты пытаешься связаться с тем придурком. Разве урок не усвоен?»

Я замерла посреди улицы, глядя на экран. Телефон дрожал в руках. Вернее, руки дрожали — телефон просто был заодно с ними.

Он видел. Он знает, что я здесь. Он следит за мной. Прямо сейчас. Где-то рядом.

Я резко обернулась.

Улица была пуста. Только редкие прохожие вдалеке, только машины, только фонари, отбрасывающие длинные тени.

Но мне казалось, что из каждой тени на меня смотрят.

Я не ответила.

Просто сунула телефон в карман и пошла. Быстро, почти бегом. Прочь от больницы, прочь от фонарей, прочь от всего.

В голове пульсировала одна мысль: чего этому психу от меня надо?

Я не красавица. Не богачка. Не из тех, кого преследуют в книгах. У меня нет влиятельных родителей, нет тайн, нет ничего, за что стоило бы убивать или следить.

Я просто Сия. Студентка-историк, у которой нет ни семьи, ни денег, ни будущего.

Почему именно я?

Что я ему сделала?

По телу пробежала волна мурашек. Я ускорила шаг, почти срываясь на бег.

В голове стучало: «Светлячок, Светлячок, Светлячок». Это прозвище теперь будет звучать у меня в ушах до конца жизни. Даже если он исчезнет. Даже если я свалю в другой город. Даже если всё это окажется дурацким сном.

Я добежала до общаги, влетела в подъезд, захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней спиной.

Сердце колотилось где-то в горле.

В коридоре было тихо. Только лампочка гудела над головой.

Я достала телефон. Посмотрела на сообщение. Ещё раз перечитала.

«Разве урок не усвоен?»

Усвоен. Ещё как усвоен.

Но что ему ещё нужно?

Я медленно побрела к лестнице. Ноги были ватными, голова кружилась. Поднимаясь на свой этаж, я поймала себя на мысли, которая раньше показалась бы мне бредовой:

Я что, похожа на героиню дурацкого дарк романа?

Потому что именно так это всё и выглядит. Психопат в маске, преследование, смски по ночам, тайны, больницы, избитые парни. Не хватает только развратных сцен в лифте и признаний в вечной любви.

Я усмехнулась. Горько, зло.

Стеф сидела на кровати в наушниках и смотрела в потолок. Увидела меня, сняла один наушник.

— Ну как погуляла?

— Нормально, — ответила я.

Она посмотрела на меня внимательно. Слишком внимательно. Что-то было не так. Наши отношения словно изменились, я знала это, но не могла доказать.

— Сия, ты белая, как мел. Что случилось?

Я покачала головой.

— Потом расскажу. Обещаю. Не сегодня.

Стеф вздохнула, но кивнула. Она умела не лезть, когда надо.

Я рухнула на кровать и уставилась в потолок.

В кармане лежал телефон с сообщением от монстра.

За окном шумел ветер.

А в голове крутилось одно: что будет, когда он решит, что этого недостаточно?

Глава 19

От лица Кастила Блэка

Ублюдок Хван отлично делает свою работу.

Лучший хакер, которого я знаю. Добывает такую информацию, которую в принципе хуй кто достанет. Паспортные данные, кредитки, переписки, геолокации. Всё, что надо. Быстро, чисто, без следов.

Одним словом — азиат.

Я сидел в машине, листая её фотографии. Хван скинул целую папку. Она даже не представляет, как много я о ней знаю. Где бывает, что ест, с кем разговаривает, когда ложится спать.

Светлячок.

Блять.

Знает ли она, как я по ней скучал?

Всю неделю я мотался с отцом. Решал вопросы по семейному бизнесу. Встречи, переговоры, деловые ужины с людьми, от которых за версту несёт фальшь. Он хочет, чтобы я посвятил жизнь его делу. Я его единственный наследник. И единственное главное разочарование.

Потому что мне нахер не всралось возглавлять его империю.

«БлэкДарк». Хорошая половина города принадлежит нам. Отели, рестораны, торговые центры, стройки. И это только легальная часть. Про остальное он предпочитает не рассказывать, но я не дурак. Я знаю, откуда ноги растут. Знаю, с кем он имеет дело. Знаю, почему нас так боятся.

И по его словам, я должен продолжить его жизнь.

Волочить ёбаное существование. Жить в вечных командировках и встречах. Решать кучу вопросов, от которых болит голова. А она у меня и без того болит ой как часто.

С детства.

Я знал, что буду делать, ещё с самого детства. Отец воспитывал меня строго. Ремень, угол, лишение всего, что хоть как-то радовало. Он говорил: «Ты должен быть мужчиной. Мужчины не плачут. Мужчины не ноют. Мужчины просто берут то, что хотят».

Мама пыталась смягчить. Она была светлой. Тёплой. Единственное, что было у меня по-настоящему хорошего в жизни.

А потом она умерла.

Мне было девять. Сука, девять лет.

И мой придурок папаша не придумал ничего круче, кроме как упечь меня на два дня в приют.

— Чтобы знал, каково это... остаться одному, — сказал он. — Чтобы учился выживать.

Ахуительное было время.

Два дня в детском доме. С чужими детьми, которые смотрели на меня, как на врага. С воспитателями, которым было плевать. С койкой, на которой до меня спал кто-то неизвестный, и воняло от неё так, что меня выворачивало.

Там мне правда помогли. Не знаю, как, но я стал поспокойнее. Перестал орать по ночам. Перестал искать маму в каждой женщине с похожим силуэтом. Просто... сдох внутри и перестал чувствовать.

Отец забрал меня через два дня и больше никогда не говорил об этом. Мы вообще не говорили о маме. Ни разу. Ни слова.

Ну да ладно. Это моя головная боль, и никого она не касается.

Я отложил телефон и откинулся на сиденье.

Светлячок.

Блять.

Когда я увидел её в столовой, я сразу её узнал. Мгновенно. И даже немного растерялся. Представлял эту встречу тысячу раз. Прокручивал в голове, что скажу, как подойду, как она отреагирует. А в реальности просто замер, как идиот.

Она была такая же, как тогда. Та же улыбка, тот же взгляд, те же волосы. И запах. Боже, её запах. Она пахнет карамельками и клубникой, как в детстве. Ни хуя не изменилось.

Я не смог подойти.

Сделал вид, что просто прохожу мимо. И специально врезался в неё. Хотел прикоснуться. Хотя бы так.

Она даже не посмотрела на меня толком. Просто психанула из-за футболки. Милая.

А потом этот урод. Брэд.

Хван в это время трахал сучку, которая их застукала. Она передала ему сразу всё что вдела, а он мне. Сказал, что моя малышка в одном полотенце провожала ублюдка.

Когда я это услышал, у меня в глазах потемнело. В голове сразу созрел план. Придурка Гроула давно надо было проучить. Нехер лезть к моей девочке, даже если она ещё не знает, что моя. А ещё он хуёво играет в футбол, и была бы моя воля он бы давно вылетел из команды. Так что всё сложилось так как и должно было. И я искренне намеревался убить его. Настолько он меня раздражал.

Но она пришла.

Мой Светлячок пришла. За ним. За этим ничтожеством.

И я понял, что не могу убить его при ней. Она бы этого не простила. А мне нужно, чтобы она простила мне всё. Со временем.

Поэтому я заставил её целовать биту.

Это было... божественно. Видеть её на коленях. Видеть, как она боится, но делает это. Я хотел, чтобы она запомнила. Чтобы знала, кто я.

Я не принц, блять. И никогда им не буду.

Хван поставил маячок в её телефон. Удалённо установил скрытое приложение. Теперь я всегда знаю, где она. Куда идёт, с кем говорит, сколько времени проводит в ванной. Даже не подозревает, какая счастливая жизнь её ждёт.

Но пока мы не будем вместе. А это обязательно случится.

Мы ещё поиграем.

Она должна понять, что я не славный парень. Что я монстр. Что от меня надо бежать, но бежать некуда.

Она боится волков.

Она ещё не знает, что я их всех съем, блять. Что для неё я стану единственной защитой от всего мира. Что никто и никогда не посмеет её тронуть, потому что она — моя.

Я посмотрел на экран телефона. Она только что вышла из общаги. Направилась в сторону больницы.

К нему.

Я усмехнулся и набрал сообщение.

«Привет, Светлячок. Прости, что дал тебе подумать, будто я исчез. Были дела. Но не волнуйся, я всё равно за тобой приглядываю. И мне не нравится, что ты пытаешься связаться с тем придурком. Разве урок не усвоен?»

Отправил.

Пусть знает. Пусть боится. Пусть привыкает.

Я никуда не уйду.

Никогда.

Глава 20

Утром меня вызвали к ректору. Снова. Сообщение пришло на почту, когда я только допивала кофе и собиралась на пары. Коротко, сухо, официально: «Мисс Флоренс, явка обязательна. К десяти утра»

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри всё опускается. Чёрт. Что им ещё надо?

Я же уже получила своё наказание. Лишилась стипендии. Осталась без денег. Драку замяли, Приянку отчислили — казалось бы, всё, точка, конец истории. Но нет. Видимо, кому-то сверху было скучно.

Стеф увидела моё лицо и сразу подлетела.

— Что там?

— К декану вызывают, — выдавила я.

— Охренеть. Зачем?

— Понятия не имею. Но вряд ли с цветами и поздравлениями.

Стеф села рядом и сжала мою руку. Её ладонь была тёплой и надёжной.

— Слушай, что бы там ни было, я с тобой, — сказала она твёрдо. — Выйдешь — сразу напиши. И вообще, может, ерунда какая-нибудь. Документы там переоформить или ещё что.

— Документы по почте рассылают, — мрачно заметила я.

— Ну мало ли. Может, стипендию вернуть решили.

Я посмотрела на неё скептически. Стипендию. Вернуть. В этом универе. Ха-ха.

Но её уверенность немного успокоила. Хотя бы чуть-чуть. Потому что в последнее время со мной ничего хорошего не происходило. Вообще ничего. Одно дерьмо.

В нужное время я стояла у двери кабинета. За ней слышались голоса. Один я узнала сразу — ректор. Второй был женским, но разобрать не получалось.

Я постучала.

— Войдите.

Я толкнула дверь и замерла на пороге.

За столом сидел ректор. Рядом с ним — мисс Хопер, с каменным лицом и сжатыми губами. А напротив них, на стуле, с идеально прямой спиной и победной улыбкой, сидела...

Приянка.

Да вы издеваетесь.

Я моргнула. Приянка не исчезла. Сидела, смотрела на меня своими глазищами и улыбалась так, будто уже выиграла в лотерею.

— Мисс Флоренс, присаживайтесь, — кивнул ректор на свободный стул.

Я села. Рядом с Приянкой. Ближе, чем хотелось бы.

— Мы пригласили вас, чтобы обсудить один... деликатный вопрос, — начал ректор. Он выглядел уставшим. Таким уставшим, будто этот вопрос его уже достал, но деваться некуда.

— Мисс Вайш подала апелляцию на решение об отчислении, — продолжила мисс Хопер. Голос у неё был ледяной. — И попросила личной встречи с вашим участием.

Я повернулась к Приянке. Она смотрела на меня в упор. В глазах — ни капли раскаяния. Только уверенность.

— Я могу говорить? — спросила она сладким голосом.

Ректор кивнул.

Приянка откашлялась и начала. Прямо как заправский адвокат в суде.

— Видите ли, я считаю наказание несоразмерным. Меня отчислили. А её, — она кивнула в мою сторону, — всего лишь лишили пары сотен долларов стипендии.

Я открыла рот. Пары сотен? Пары сотен?! Это были все мои деньги! Единственное, на что я существовала!

— В то время как я потеряла возможность обучаться в этом университете, — продолжала Приянка, не давая мне вставить слово. — Я прошу пересмотреть решение. Потому что в уставе университета чёрным по белому написано: тот, кто начал драку первым, тот и виновен.

Она сделала паузу, обвела взглядом присутствующих и добавила с намёком на улыбку:

— Про невинные игры с водой там ничего не сказано.

Я сжала кулаки. Невинные игры. Она поливала меня из биде, а называет это «невинными играми».

— И потом, — Приянка посмотрела прямо на ректора, — я считаю это решение несправедливым. А мои родители — успешные адвокаты, как вы знаете. И поверьте, я очень не хочу доводить дело до суда.

Тишина.

Такая густая, что можно резать ножом.

Ректор вздохнул. Мисс Хопер побелела. А я сидела и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Она притащила родителей. Адвокатов. И сейчас просто шантажирует университет.

— Мисс Вайш, — начал ректор устало, — мы понимаем вашу позицию, но...

— Но ничего, — перебила Приянка. — Либо вы восстанавливаете меня и наказываете зачинщицу по всей строгости, либо мои родители подают иск. О дискриминации, о предвзятости, о нарушении процедуры. У нас хватит аргументов.

Я смотрела на неё и не верила своим глазам. Эта девушка издевалась надо мной годами. Поливала водой, травила, унижала. И теперь она же хочет, чтобы меня наказали?

— Мисс Флоренс, — повернулся ко мне ректор. — У вас есть что сказать?

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

Голос не слушался.

А что я могла сказать? Что я бедная? Что у меня нет адвокатов? Что я просто хочу выжить, а она хочет меня додавить?

— Я... — выдавила я. — Я не начинала драку. Она спровоцировала меня. Целенаправленно. Она поливала меня водой и смеялась.

— Это ваше слово против моего, — пожала плечами Приянка. — А у меня есть родители, которые готовы это слово оспорить.

Я посмотрела на мисс Хопер. Она сидела с каменным лицом, но в глазах у неё было что-то... сочувствие? Бессилие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.